

18+

Сергей Пилипенко

Поле Куликово

Сергей Пилипенко

Поле Куликово

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Пилипенко С. В.

Поле Куликово / С. В. Пилипенко — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Книга об истории русского развития, традициях, вере. Она дает ответы на вопросы читателей: было ли монголо-татарское иго, кто правил в смутные времена и многое-многое другое. Это и есть сама история от момента расселения славянского племени до настоящего времени с той лишь разницей, что из нее исключены давно известные факты, которые не требуют дополнительного осмысления, а остаются такими, как есть. Мы всегда жили плохо, и вопросы веры приживались с трудом. Значит, есть в нашем русском характере что-то такое, что мешает понять самих себя и заставить изменить облик до настоящего. Болью пронесены некоторые строки в веках и даже в настоящих телах. Это отображение истории на нас самих. И если она лжива, и до сей поры не выяснена, то боль и дальше будет поражать наши сердца, создавая на лицах упрямое выражение прошлого. В общем, это книга познаний, читается легко и непринужденно, с интересом раскрывая события прошлых лет, при этом оставляя читателю право на свой собственный взгляд.

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Раздел 1. Унисон	9
Раздел 2. Полюнь	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

От автора

Знаем ли мы по-настоящему нашу историю? С одной стороны – многое известно, с другой – есть какие-то белые пятна, по которым по день настоящий идут споры.

Можно ли довольствоваться только этим и, как говорят, на том поставить крест или все же лучше попытаться узнать больше, дабы пролить на свет нашу настоящую русскую натуру, с которой мы живем и прощаемся, в век уходя?

Вопрос этот затрагивает, в первую очередь, мир души человека, ибо это как раз то, что к нему относится. Настоящие реалии жизни мало к тому располагают, ибо, по большей части, нам все равно, кто мы есть, лишь бы жилось хорошо.

Естественно, душа относится к менее реально выраженному и по большинству имеет степень сближения с более духовным и стоящим по разуму выше.

Таким образом, сами знания как бы относятся к миру духовному, коим в целом заведует Бог, а значит, и просвещать нас проще ему самому.

В стиле написания данной книги так и происходит, ибо, откуда знать самому автору о множествах событий, произошедших когда-то давно, да еще и с другими людьми. Тут уже и собственной абстрактной памятью не поможешь.

Но в целом, ведь сам материал откуда-то берется, мысль возлагается на бумагу, пробиваясь к сознанию каждого, кто ее пытается понять.

Вопросы веры я не затрагиваю, хотя они, несомненно, присутствуют, и как бы негласно сами за себя заявляют.

Чего же больше в нашем современно построенном дне – веры или порядка? Думаю, ни того, ни другого.

Ибо, если есть вера, то она вне порядка, а где есть порядок – там не содержится ее ни капли, так как реалии напрочь выбивают ее из головы.

Потому, я сам думаю следующее. Эта история нам дана для восприятия, как нечто новое и сомнительно тревожащее любую душу.

Мы вправе знать свою истинную историю, хотя я и не призываю вас поддерживать мою точку зрения. Каждый вправе самостоятельно решать для себя вопросы своей веры, а тем более, призывать лично свою голову к порядку.

Мне кажется, за всю нашу настоящую историю мы просто налепили на себя чью-то шкуру, как волк овечью, и пытаемся выстоять в ней во времени в то время, когда другие то и дело пытаются нам указать именно на это. Не в этом ли действительно наша беда? Та, общая ото всех, что никак не выведет нас на благой уровень жизни.

Мы всегда жили плохо, и вопросы веры приживались с большим трудом. Значит, есть в нашем русском характере что-то такое, что мешает понять самих себя и заставить изменить облик до настоящего.

В книге указано на многое из того, что я сказал. Болью пронесены некоторые строки в веках и в чьих-то даже настоящих телах. Это отображение нашей истории на нас самих. И если она лжива и до сей поры недовыяснена, то боль и дальше будет поражать наши сердца, создавая на лицах упрямое выражение прошлого.

Ну и что из того, – ответите вы сами. Мы ведь победили многих и даже побеждаем сейчас в трудные для нас годы. Значит, живем правильно, и наш путь избран верно.

Согласен. Но не в победе самой суть. Не каждая победа будет за нами. Ведь путь к ней в первую очередь пролагает ум, а он, усилиями многих, оскудел за последнее время. И его потеря ни к чему хорошему не приводит. Избранные меры будут превентивно только мерами и никак не больше. Нужен доиск причин, благодаря чему мы сможем развиваться по-новому. В любом случае эта история предлагается к размышлению.

Правдива ли она – покажет свое время. Я знаю только одно, что нельзя полагаться на то, что было когда-то и кем-то написано, рассказано или перенесено по уму. Это никогда не являлось достоверностью, так же как и то, что любой найденный предмет мог принадлежать, кому угодно и быть просто утерянным на участке земли.

Сама написанная история не так велика по масштабу и затрагивает в основном только невыясненные стороны или перевернутые моменты. Потому, читается не тяжело и так же просто усваивается, ибо все по-настоящему близко, так как происходит от нас самих. Говорят, ничто не учит так близко и просто, как история.

Так оно и есть. История одного становится явью для других и омывается со всех второй словесами, словно прилежием каким.

Обсуждение – долг каждого ума, это его сторона мысли, его жизненная позиция и, не узнав ее, вы не узнаете самого человека. Не сотворив греха, человек безгрешен. Но даже в этом имеется грех, ибо воплощение жизни является для каждого в мире священным. Вот и подумайте над всем этим. Я же подумаю над своим и создам другое. Читайте и не забывайте зло, ибо оно болью в сердцах оседает, а еще хуже – располагается у каждого внутри.

Если хотите держаться своего мнения, то и держитесь. Отдайте только дань тому прошлому, заблаговременно приотворив дверь своей души. Она постигнет в этом более вас, а на дальнейшее подскажет, что сделать.

Всякая история хороша, но она будет всегда благорассудна, если будет правдива и высказана с сердцем, то есть с душой. Вот на этом я и остановлюсь, предоставив право каждому на разговор со своей душой.

Всякое недовысказанное всегда будет тревожить и мучить. Облегчите души свои и уже ваши строки лягут где-то рядом и чем-то потревожат мою. Так и строятся между людьми отношения, так строится весь мир, если он есть и присуще отвечает каждому слову.

Мы пока на Земле, пока пытаемся устоять. И надо извлечь самое главное из нашего же прошлого. Не торопить события, а пусть они приходят как надо, как праздник по заранее обусловленному дню. Это и станет нашим общим достижением, а в целом – историей, слагающейся в века.

До свидания. С уважением, автор.

Пролог

Настоящая книга является своеобразным продолжением исторического эпоса народов, изложенного в предыдущем издании "Фараон".

Чтобы понять связь, которая существует между этими различными названиями, надо прочесть и то, и другое. Тогда, как говорят, все станет на свои места.

Что особенного в данном произведении? Особенности небезосновательно много.

Книга в буквальном смысле откроет нам всем глаза на наше прошлое и заставит невольно содрогнуться каждого, кто хоть на чуть-чуть сопереживает сам за себя или другого. Старинная история о сражении двух великих воинов является только предлогом для того, чтобы оповестить о многом другом.

В частности, о самой истории русского развития, о традициях, вере и о многом другом. Книга большая по содержанию и смыслу своего написания. Разобраться в том, что произошло и происходит сейчас – значило бы уверовать в свое собственное русское будущее.

Здесь не будет говориться о ком-либо другом. Это история Руси, которая была, есть и, если поможет Бог и сами люди, будет и далее.

Книга будет лишена какого-то авторского права. Так повелел сам Бог. Это его преподношение древним язычникам и иудеям по-своему. Может, вы удивлены? Причем здесь иудеи? На этот вопрос ответ даст сама книга. Ее стоит прочитать каждому. Она не затронет время настоящее, но по-настоящему возложит дань прошлому и даст понять каждому, что, как, когда произошло. Правда, в ней не будут указаны точные даты событий.

Эту почетную обязанность Бог возлагает на историков, географов, археологов и т.д. В общем, всех тех, кто хоть как-то причастен к самой истории.

Книга укажет только на факты свершений какими-то людьми с их подлинными, а не придумано-надуманными именами, а также раскроет некоторые, не понятые и по сей день способы традиционно русских методов общения и обогащения себя какими-либо видами искусства.

Возможно, книга покажется кому-то чем-то невероятным или даже сумасбродно насыщенным, но хочу сразу предупредить. Все претензии к своему роду и, само собой, Богу, ибо, в первую очередь, этим ведает он сам.

Не считите эти слова за какое-то доподлинное богохульство. Сие издание Богу нашему ведомо и с его уст истекает река нашей молодости русской правоязычной.

Конечно, многим могут показаться странными такие слова и, естественно, каждый может затребовать доказательства.

Так вот. Доказательства – это мы с Вами совместно. Вся наша жизнь. Такая, какой мы видим ее сейчас натурально.

Помимо этого, нужно покопаться у себя внутри и попытаться осознать то, что здесь будет сказано, то есть увязать книжное со своим личным.

И еще одно доказательство – это время наших совместных раздумий. Пока оно будет идти, тот же Бог непременно скажет свое слово и выразит его примерно так, как опишется в данном произведении.

Бог не любит что-либо вообще подтверждать. Он желает, чтобы наш ум развивался и думал самостоятельно, а не стоял на месте. Чтобы он не питался его божьей милостью, от которой только чреву нашему помощь и вред всему, что умом и духом зовется.

Вот и всё краткое содержание книги. И не будем тратить время на разные дополнительные объяснения.

Дело каждого: верить или нет. Дело личное – видеть свое будущее или нет. И, конечно же, дело только собственное – принимать то, что Бог посылает или отрицать.

В общем, решать каждому единолично. На этом я, как автор, как говорят, исчезаю и передаю слово непосредственно Богу или тому, кто будет его время от времени замещать.

Пролог окончен, и в силу вступает регрессия времени, исполненная самими людьми и вызванная божеской помощью.

Как говорят русские, счастливого пути, на страницах не мною составленного повествования.

Раздел 1. Унисон

Вы знаете, что такое петь в несколько голосов одновременно. Это в исконно русской традиции и вероисповедании. Примерно так отображалось русское прошлое и возможно, поэтому оно сохранилось до сей поры.

Но перейдем к делу, и не будем попусту отнимать время, которого всегда почему-то не хватает и на которое поставлена сама человеческая жизнь.

Итак, начнем, пожалуй, с самого начала. Говорят, краткость – сестра таланта. Так поступим и мы с вами. Но давайте, вначале познакомимся.

Я, то есть тот, кто это пишет, вовсе не автор, а его дух во времени прошлом и темном. Наш мозг обустроен так, что способен содержать большее, нежели думаем мы сами. Часть истории я и сохранил и попробую воспроизвести ее с самого начала.

Давным-давно, когда еще Земля только-только стала матерью для нас всех и других, что нас окружают, на свет появилось одно племя. Точнее, тогда оно содержало только двух человек, но это был успех, и это послужило началом к дальнейшему. Уж, не помню, как нас называли, но что-то очень схожее с тем, как зовут уже сейчас почти по-современному.

Итак, эти двое отправились на поиски своего счастья, и вскоре подле них образовалось потомство. Совсем небольшое и малое.

Шло время. Потомство подрастало и совсем скоро стало само родителем следующего поколения. Так появился род. Он размножался по традиционному принципу семьи, как говорят, ни во что другое не вмешиваясь.

Прошли годы, где-то около ста с небольшим. Племя насчитывало уже аж сорок четыре человека, хотя по тому поведению и образу вряд ли вообще можно было сказать такое.

В то же время случилось на Земле небольшое несчастье, которое заставило род повернуть обратно к своим родным или изначальным местам зарождения, и вскоре он добился своего.

Повстречав на пути таких же бедолаг, род значительно пополнил свой состав, а за время протяженности маршрута эти семьи попросту слились и образовали одну семью, то есть некоторый совмещенный род.

Одни были белыми, другие более темными и желтокожими. Так и повелось с тех пор.

Одни рождаются белыми, словно мрамор, другие – темновато-желто-коричневыми.

Время странствий закончилось, и совмещенная семья пришла в свои родоизначальные места, где провела довольно много времени, что незамедлительно сказалось на потомстве и их количестве.

Спустя еще сто лет, семья насчитывала уже двести восемьдесят пять человек. Как видите, рост шел в благополучную сторону.

Но вот, Бог принял решение, а он для всех тогда был самым главным, и вновь отправил семью или род к тем самым местам. Что ж, странствие – дело не сложное.

Люди научились кое-как справляться со своими проблемами, и перемещение шло нормально.

Лет через пятнадцать, когда род увеличил в очередной раз свой состав, они достигли цели.

Сейчас трудно сказать, какая конкретно это была территория, но по признаку и внешнему пейзажу – это относилось к Сибири, а в дальнейшем – и к Дальнему Востоку.

Надо сразу отметить, что на одном месте род прожил достаточно долго. Где-то около 258 лет. Затем, когда в местах стало меньше еды и разных запасов, племя двинулось далее.

Так и достигло тех мест, что сказали ранее. Там прожили недолго. Всего 70 лет. Земля вдруг начала подниматься у них под ногами, иногда тряслась, а порою в небо валил какой-то дым, и огонь сжигал все в округе.

Пришлось возвращаться обратно. Но пошли несколько другим путем, опустившись чуть ниже к югу.

И вновь на пути повстречали других людей. Но на этот раз род не стал соединять свои узы. Обошлось без этого. Правда, во многом подстраховал Бог, не желая совмещать рода далее.

Но, как говорят, все же недосмотрел, и многие из тех людей все-таки успели соединиться.

Бог рассерчал за это и почти насильно разогнал рода в разные стороны. Одних погнал на запад, других опустил еще ниже к югу.

Совмещенные, уже рожденные единицы, ему пришлось забрать и поселить отдельно. Наш род шел на запад. То наступали холода, то приходила весна, а за нею лето. В общем, время не стояло на месте.

Вскоре племя, насчитывающее уже больше тысячи человек, подошло к горам, которые стали перед ними словно преграда. И здесь произошло то, что в русском языке именуется раздором. Мнения разошлись. Одни хотели идти дальше, другие желали остаться здесь. В итоге, племя поделилось примерно на равные части.

Те, кто не захотел остаться, ушли далее и вскоре заселили часть территории, которая сейчас именуется Европейской частью России.

Бог посмотрел на это как-то по-своему. То ли ему было некогда, то ли решил пока так и оставить, но разделение произошло, и род образовал подгруппы.

Надо отметить, что Богу действительно было некогда. Шли работы по освоению другой "Земли", а также по созданию иной жизни на самой Земле.

Прошло более 270 лет. Вновь на планету обрушилась беда. Рода снялись со своих мест и двинулись снова в путь. Холода заставили свернуть всех строго на юг.

Спустя двадцать два с небольшим года, эти подгруппы повстречались. Общая беда заставила их объединиться. Был избран вождь, и род снова стал таким, каким был в самом начале.

Однако та же беда затронула не только их интересы. Отовсюду к одному месту потянулись другие рода. Время от времени вожди встречались и решали какие-то общие вопросы. Надо сказать, что жизнь их была строго примитивной и не несла того, что хотел бы видеть сам Бог.

Потому, совсем скоро он принял свое решение и объединил все племена под единым руководством самого первого египетского фараона. А точнее, по тому времени еще вождя, ибо "фараон" появилось уже позже.

В составе египетского государства род пробыл около 87 лет. Практически, он самым первым покинул те места и двинулся обратно в направлении своего природного дома.

К этому времени племя составляло около двадцати тысяч человек.

В нем присутствовало 11 родосемей, которые по пути следования начали отсоединяться.

Были разногласия, ссоры и тому подобное, но все же закончилось все более-менее мирно, и группы разошлись по сторонам.

Три группы, которые и по сей день считаются исконно русскими, осели в районе Среднерусской возвышенности и с них, собственно говоря, и началась Древняя Русь. Одна группа проследовала все же далее и образовала затем, так называемую, Золотую Орду. Две группы осели совсем рядом возле трех.

Еще четыре разделились на подгруппы и заняли свои территории, прозванные сейчас Черногорией, Болгарией, Албанией, Сербией и т.д.

И еще одна группа, пробыв совсем немного, рано, как говорят, поучаствовав во всех родосемейных связях, возвратилась обратно примерно к тем местам, откуда и пришли, то есть неподалеку от Египта.

Как понимаете, этой группой и были иудеи, имеющие в своей крови состав преобладания темного цвета.

Со временем эта группа выразила себя более четко и образовала тот самый народ, который принято называть евреями.

Но это все же немного не так. И чуть позже я объясню почему.

В то же время, часть той группы, что попозже звалась Ордой, также подразделилась.

Одна часть повернула на юг, так и не перешагнув за горную кладь.

Так образовалась тюркская группа, пополняющая свой состав уже гораздо позже другими родами, сходными по составу крови из числа тех групп, что заселили территорию неподалеку русских.

Естественно, были разные кровосмешения и сейчас трудно разделить очень четко народы.

Но можно сказать одно, что все указанные группы из состава одного рода, образовавшегося в самом начале от двойственного сближения, состоят в так называемом кровном родстве.

Итак, ясно, что, так обозначенная, тюркская группа является представительницей единого славянского направления.

Чуть позже подгруппа была проформирована в турецкую группу и образовала турок, то есть Турецкое государство.

Группа, ушедшая за горы, а точнее часть ее, что осталась, образовала Золотую Орду. Попозже она соединилась с другим родом и составила иноязычие с превосходством крови иного рода.

Иудейская группа также разделилась. Часть из нее вошла в состав тюркской, а другая образовала свои подгруппы, хотя проживали они совсем рядом.

В дальнейшем, были и другие деления, но рассказывать об этом практического смысла нет. Потому, пойдем далее.

Итак, мы немного увлеклись общей историей, а потому, возвратимся к русскому народу.

Вкратце я изложу предыдущее, то есть из другой книги, чтобы было яснее то, что случилось в дальнейшем.

Прожив довольно много в составе своих уединенных групп, русские все же решили объединиться. Речь идет о тех трех группах, что обосновались на территории Среднерусской возвышенности. Вследствие объединения был избран единый князь, имя которому Кий, и он же обосновал столицу того древнего государства – Киев, построенную на трех холмах, которые соорудил сам народ в знак своего объединения.

В Киеве вначале обосновались Щек и Хорив – каганы, а затем князья других двух групп.

Но в результате обвалов на мало устоявшихся земных горах, они переехали обратно, и на местах люди соорудили такие же подобные холмы, где поставили своим князьям дома.

Так они прожили довольно долго, как говорят, в мире и согласии.

Кий – киевский князь и одновременно всех, взял себе в жены Софию из своей родовой группы.

У них родился сын Олег, который в 16 лет взошел на посад, то есть занял место отца и стал править. Щек и Хорив потомства не имели. Очевидно, того захотел сам Бог.

Вскоре Олег стал более взрослым и его начали прозывать Вещим за способность предвидеть события.

Олегом был заложен дважды Софиевский собор в честь своей матери. Им же были посланы послы в Константинополь для обучения и налаживания утерянной связи во времени.

В 37 лет Олег упал со своей лошади и повредил себе тело. Через время он скончался, так и не достроив собор и не повидав Царьграда, на вратах которого висел его щит в знак дружелюбного отношения к русичам.

Своего рода, это был пропуск в тот город всякому, кто имел собственный вид щита под стать тому княжескому.

На место Олега, который, кстати, так и не успел жениться, взошел Игорь. Его воин, состоящий на государственной службе. Олег обучал его разному делу.

В общем, на тот период на Руси не было другого кандидата, и выбор пал именно на этого человека.

Его посадили на княжеский трон, и он начал править государством.

Вот на этом и закончилось предыдущее повествование, описанное в книге "Фараон", и именно с этого мы продолжим далее...

Игорь был высок ростом, светел и одинок. От роду ему насчитывалось двадцать четыре года. Надо отметить, что в то время на возраст никто не смотрел. Важным было знание, умение и желание чего-то достичь во благо своего народа.

Недолго поправив, Игорь отправился по местам расселения других групп. Олег, его приемный отец, этим не занимался и практически все время проводил в Киеве в мыслях, заботах и делах.

Но совсем не так повел себя другой князь. Казалось, Олег оставил ему все для полного дознания дел и будущих свершений. Но так получилось, что забыл оставить ему душу. И именно это повлекло за собой все тяжкие грехи, о которых уже потом в минуту предстоящей сечи говорил Игорь.

Возможно, в этом можно упрекнуть и самого Бога в лице того Перуна, как именовали все русичи. Но, как всегда, ему было некогда, да и не думал он тогда, что все сложится именно таким образом.

Вначале все складывалось хорошо. Игорь, обустроившись в своем посаде, устремился взглядом именно туда, куда следует. Но его не покидала мысль о том, как живут другие люди, и он, изменяя мнению своего приемного отца, решил посмотреть, что творится в других землях.

И здесь, казалось бы, сопутствовала ему удача. Везде и повсюду киевского князя встречали приветливо, всячески кланялись, преподносили разную еду и угощали хмельным снадобьем.

В других местах дарили шкуры животных, свои поделки из оставшихся драгоценных камней, вывезенных из древнего Египта, а также преподносили его имя как какую-то общую славу и божественную силу. Звучало это примерно так:

"Будь славен наш Игорь – князь великий и всей Руси /имелось в виду, русичей по составу русых голов и светлых лиц/. Вовек тебе добро и благо великое создавать будем. Идешь по пути отца своего – Олега Вещего. Да, храним, будешь именем его и именем Бога Перуна нашего..."

Нельзя сказать, что Игорь сразу возгордился этим и стал, как говорят, гонорист и недосягаем. Но все же кое-что в этом преподношении имелось. Человек пользовался добытой умом и трудом славой своего, хоть и приемного отца. Кстати, об этом. Почему так обозначалось?

Дело в том, что племя понесло это из состава древнеегипетского государства, где вождь был всегда отцом всех. Потому, сохраняя традиции словесно, люди переносили это на реальную живую основу. То есть, имело место переносное значение слов.

Так оно и повелось с тех пор на Руси. Что не слово – то только подразумевает какое-то действие или отношение к чему.

И именно в этом состояла и состоит ошибка. Мы называем это величием русского языка или его многообразием. Но лучше бы этого не было, ибо теперь вовсе не понятно, кто говорил когда правду, то есть имел в виду реальное действие, а кто только этим что подразумевал.

Но, как бы там ни было, это состоялось и теперь уже сам Бог, можно сказать, лично восстанавливает ход всей нашей же истории. А ему, как известно, доказательств не нужно, ибо он знает о нас всё.

Для пушей убедительности могу сказать, что все основные знания по этому поводу наш Бог черпает из своей второй головы, которая компьютером называется. Но это так, к слову, как говорят. А вы подумайте, что уже я имел в виду – реальное или придуманное?

Но продолжим наш рассказ. Итак, Игорь начал "заражаться" славой отца и понемногу к нему исподтишка подкрадывались затаенные еще с ранних времен человеческого существования мысли.

"А не прибрать бы мне все их богатства к своим рукам. Я ведь князь, и я должен содержать сам в своем ведении всё то", – так думал тот князь.

Конечно, это приведено уже в переводе с того старославянского, но для пущей убедительности процитируем несколько строк.

"Будь я с теми, кто усопши уже состоит в родстве со мною, так не так ли я бы поступил? Русь моя, и в том ее сохранность пролегалает. Русичи стоят подо мною, и в том сила моя и общая состоит".

Как видите, мысли эти сходны с тем, что описали. Может, правда, вы усомнитесь в самих знаковыражениях или буквенных обозначениях, но нет смысла прибегать к такому и попусту терять на это время как мое, так и ваше, не говоря уже за божье.

Но возвратимся к описанию.

Итак, понемногу Игорь становился уже не на тот путь. Доехав до самой окраины и убедившись в сохранности своих границ, обозначенных земляным валом и рвом с водой от проливных дождей, князь повернул обратно. Надо сказать, что с ним была небольшая дружина, которую называли в ту пору уже полком. Но вряд ли его так можно было вообще назвать.

Воинов или ратников, а чуть позже – гридней, было всего сорок человек. По тому времени это считалось довольно большой охраной. И все-таки в своем первом походе Игорь не решился на своеобразный грабеж народа. Хотя он установил свою величину возлагаемой дани на содержание государства. Именно так он объяснил всем.

Люди согласились с этим, так как еще со времен Египта помнили об том, а точнее, это передавалось по роду из поколения в поколение.

Первый поход завершился, и князь занялся своими делами. Но мысль о богатстве все же его не покидала, Тут, как говорят, подоспела и женитьба. У одного из близких ратников, а точнее, сотника была дочь Ольга. Отроду ей было семнадцать лет.

На одном из общих гуляний, которых после Олега стало гораздо больше и которые не особо поддерживались теми людьми, что обучались в Константинополе, князь и познакомился с этой девой.

Вскоре состоялись и торжества по этому поводу. Согласно древних традиций будущей жене одевали своеобразный наряд, отличающийся от обычных одежд, а голову венчали остроконечным кругом с изображением в статуе их бога Перуна, лошадей и других животных.

В редких случаях туда же мастеровыми помещались и людские фигурки. И, как правило, это были фигурки тех, кто сходил в браке. Именно таким и было короноподобное головное украшение будущей княгини Ольги. Убранство ее представляло собой расшитое золотом и серебром платье белого цвета с яркими цветами весны. Собственно, это было самое первое торжество, исполненное таким образом князем и от него пролегалют все дальнейшие пути создания того же.

Но свадьбой тогда это не обозначалось, а именовалось гораздо проще "узы". Руки жениха и невесты обвязывали тугой конской упряжью, сделанной из той же кожи, слегка приукрашенной серебром. А затем, они после такого символического обозначения состоявшегося брака, как говорят, шли в покой. До этого, конечно же, были сами торжества, речи и тому подобное. И, естественно, не обходилось без праздничного стола.

Но вернемся к самому началу этого мероприятия.

Принарядившись, Ольга вышла к князю и заставила его проговорить почти роковые слова.

– Век целовать тебя буду, красавица Ольга, и век пестовать драгим чем буду. Подходит то лицу твоему, и вся ты словно светишься. Принесу тебе я даров много. Возлюбил я тебя навеки и хочу в любви этой повек и остаться.

Ольга повела рукою в сторону и, указав куда-то, сказала:

– Там путь твой лежит и там драгие вещи всякие. Принесешь их мне – возложу тебя в обитель-постель мою. Так и знай. А слово свое я держу крепко. Многие об том знают, и ты поведешь вскоре.

– Что ж, воля твоя, – скорбно молвил князь, – добуду то, что ты просишь. Только знай об одном. Век тебе не забуду дня сего и речи твоей. Но на всё есть воля бога нашего Перуна. С тем с тобою прощаюсь до встречи другой.

И они попрощались. Торжества прошли, руки обвязали уздою и проводили в покои. Но, так называемая, брачная ночь не состоялась. Каждый держал слово.

А через два дня Игорь выступил в поход. Спустя месяц он воротился и повез даров всяких и разных.

Люди, узнав о его женитьбе, сами преподносили дары и желали всякого счастья им и блага.

В общем, и этот, второй по счету поход закончился успешно и не нанес вреда никому. Конечно, слово, низложенное ранее, было тотчас порушено, и семья состоялась доподлинно.

Шло время. Дань подвозили, и Киев стали прозывать за это огромной горою, что звучало как Киев-гора, от количества возлагаемых даров.

Многим из состава других групп не особо понравилось увеличение подати. Но пока люди терпели, и князь Игорь мог спокойно заниматься своими делами, которых, кстати, было очень мало, ибо по большей степени он гулял, собирая свою рать и обдумывая с ними, где и как добыть еще больше подати.

Кто-то из хмельных ратных отроков выразил вслух свое решение и, указав на дверь, где висели доспехи и мечи, сказал:

– На таких вратах щит такой же прибит. И за вратами теми богатства лежат прямо под ногами. Был когда-то я там вместе с теми, кто на службе твоей состоит. Делу, правда, не обучался, так как мал еще был и за лодиями присматривал.

Игорь тут же откликнулся на эту речь и спустя время в комнату почти вволокли одного из ученых мужей, заставив его рассказать все, как есть. Тот и поведал обо всем.

Хмельная голова – боль сердечная.

Рассказ тот сильно взбудоражил всех и в особенности Игоря. Встал он и, махнув рукою на дверь, сказал:

В поход на Царьград пойдем. Возьмем золото и добро ихнее. Пусть, оно нашему богу служит, а не другому. Правду ли говорю, отроки?

Правду, князь. Идем с тобою. И наши жены хотят в серебряных уздах побывать и шелка всякие надевать.

Тогда, поутру выступаем, – распорядился Игорь, – ты, посол, с нами пойдешь и путь укажешь. Заодно защитой нам стоять будешь, так как язык их знаешь и места все те также.

Человек хотел возразить на это, но князь, нахмурив брови, жестко бросил ему в глаза:

– Не пойдешь, велю поднять тебя на мечи, как с ворами и всякой нечистью поступаем.

Испугался посол того. Это была самая страшная по совести казнь. От семьи той люди затем отворачивались и никакой помощи она не получала. Попросту гибла, если не могла заниматься какой-то работой.

И вот поутру, как говорят, с больной головой, князь выступил в поход. Гридней он имел в своем распоряжении целых восемьсот человек, да и то по большей части это были просто люди, впопыхах снаряженные просто доспехами и оружием.

На тех же лодях, только уже в гораздо большем количестве вся эта рать двинулась на Царьград. К тому времени река была полноводной, и им без труда удалось пройти на ней пороги. Отказавшись идти по суше, князь Игорь решил плыть по морю, обходя город с другой стороны.

– И на других воротах прибыю сей щит, – говорил князь своей рати ближней, – пусть, знают князя русичей Игоря и имя это, как память обо мне самом хранят...

Чем-то, конечно, князю в то время повезло. У Бога было полно дел, и он не обратил внимания на какие-то небольшие передвижения. И, естественно, узнал обо всем уже гораздо позже.

Так что князь, как говорят, руководил сам собою и теми, кто его окружал. Спустя время суда достигли места и вошли в гавань, а затем рать практически подошла к самим городским воротам.

Не торопясь, Игорь прибил свой щит на той стороне и, повернувшись к отрокам, сказал:

– Видно богу нашему Перуну так угодно. Ни одно препятствие на пути не повстречал. И ветер дул в нашу сторону, и волны морские выше людей не перевозносились.

Князь не стал вводить все свои войска и отправился в город лишь в сопровождении сорока человек.

– Что-то много русичей прибыло, – говорили люди, с опаской посматривая в их сторону.

– Наверное, так Богу угодно, – отвечал кто-то, – может, обучиться все хотят и веру нашу принять. Может, Бог им и повелел так...

Но случилось все по-другому. По-другому повел себя и Игорь с людьми роду иного.

Поставив ногу на одну ступеньку и облокотившись на нее же, князь сказал: нее, а голову уперев рукой, он сказал вышедшим навстречу людям:

Несите дань мою обратно, отцом моим возложенную за просто так. Хочу посмотреть на нее, не растащили ли вы все то?

Зачем же нести, можно пройти и посмотреть, – ответил тот же человек, который когда-то встречал самых первых посланцев.

Не пойду я никуда, – сурово ответил князь, – несите сюда все и поскорее. И поторопитесь также возблагодарить меня за то, что даю возможность вам по морю моему ходить, а также вглубь земель моих заселяться.

Как же? – удивился человек тот, но людей за дарами теми отправил, а сам продолжил разговор. – Разве море стало вашим? Оно ведь ничьим слыло и век мы того ни от кого не слышали. Что же до земель других, то на них мы не заселяемся. Богу угодно, чтобы вера по земле ровно шла. Отправляем мы с этим совсем немногих и по большому счету они вред никакой не приносят.

Нет мне дела до вашего бога. Есть у меня свой, Перуном его зовут. Может, знаете такого? Путь сюда к вам он мне указал и велел дары забрать отцом возложенные. А еще велел подать вам платить и мне в земли отсылать. А если того не будет, то войною наш мир разразится. Для подтверждения рать свою бесчисленную я привел с собою. Вон она, можешь посмотреть, – и Игорь бросил рукою в сторону моря.

Человек, убедившись в его словах, сказал так:

Сам я не могу принять такого решения. Есть и у нас царь. Ему мы все подчиняемся. Ему передам слова и сообщу о решении завтра.

Что? – воскликнул в негодовании князь, – завтра? Соизволь немедля сказать ему обо всем, и вели подать уже нести, как и за дарами послал. Некогда мне тут время терять. Домой пора возвращаться. Жена моя заждалась уж, да и они тоже, – и Игорь махнул рукой в сторону своей рати.

Человек, ничего не ответив, повернулся и зашагал куда-то. За ним двинулись и остальные, но князь, усмотрев в этом что-то свое, резко остановил их и заставил подождать здесь. На всякий случай он достал из ножен свой меч и, блеснув лезвием на солнце, сказал:

– Думаю, это хороший подарок вашему царю, если отрублю им кому голову, – и Игорь рассмеялся.

Засмеялись и те, кто его окружал. Правда, не до этого было тем, кто остался как бы в заложниках. Они сильно испугались и сжались под грозным видом русича.

Не бойтесь, без вины не трону, – успокоил их князь.

А какова, же наша вина быть может? – спросил кто-то на русском языке.

– Ты-то кто? – вместо ответа спросил Игорь. – Откель язык знаешь мой?

Учился я тут, да здесь и остался, – ответил человек тот, – из мастеровых я. По просьбе их царя свершаю труды всякие.

Что? – грозно насупил князь брови. – Как смеешь тут находиться? Богу нашему не веришь и в вере его не страдаешь, яко мы сами. А ну, выйди сюды, ко мне ближе. Хочу рассмотреть лицо твое. Может и узнаю.

Человек с опаской вышел и поклонился своему князю. И в тот же миг Игорь, взмахнув мечом, отрубил ему голову, положив этим начало общего кровопролития.

Раздался крик оцепеневших от ужаса людей, а откуда-то издали послышались торопливые шаги.

– Тихо вы, – грозно молвил князь, – а то и вам сделаю то же, – и, подступив ближе к мертвому, но еще содрогающемуся телу, сказал, – будешь знать, как своего бога не уважать и любить всяко. Предок твой, небось, этого не делал, – и князь со злобой плюнул на тело, заставив еще раз содрогнуться чужеземцев.

В эту минуту в помещение вошли какие-то люди, по странному одетые и с каким-то предметами в руках, схожих чем-то на оружие. Не дав им сказать и слова, Игорь взмахнул рукой и выкрикнул:

– Вперед, во славу Отечества нашего, земли русской и бога Перуна. Порубим этих изменников вере нашей, и Бог вознаградит нас за то.

Состоялась небольшая битва или сеча. Но и ее так было назвать нельзя. Вошедшие оборонялись, как могли, тем, что было у них в руках. Но мечи русские сделали свое дело, и вскоре на полу возлежало еще восемь убиенных. Остальные же бросились вглубь помещений.

– За мной, вперед, за веру и Отечество наше, – крикнул Игорь и рванулся за ними, но вспомнив, что их маловато, резко остановился и, обратившись к одному ратнику, послал того за подмогой.

Вскоре в городе возникла настоящая бойня. Не особо разбираясь, кто, где и с чем, русичи рубили сплеча направо и налево, прорываясь, как им казалось, к своему князю, окруженному врагами.

– Сюда, сюда, – кричал им Игорь, взмахивая над собою мечом, из которого лилась кровь и падала ему на грудь. От того казалось, что князь ранен, и сеча стала еще более жестокой.

Наконец, рать пробилась к Игорю, оставив за собою гору людских тел, утопающих в крови. Зазвенели колокола, и это напугало князя.

Что это? – спросил он у того самого человека, что обучался здесь, глаза которого расширились до необыкновения от ужаса творимого и, казалось, он сейчас сам умрет.

К-к-о-о-ло-кола, – едва вымолвил он князю, – то они так своему богу кланяются.

– А-а, – рассвирепел Игорь, узнав об этом, – помощь просят у бога своего...

– Нет, нет, – хотел было поправиться тот человек, но князь уже его не слушал.

– Вперед, за мною, за бога нашего, – крикнул Игорь и повел свою рать снова в битву.

И началась сеча еще большая.

Но нельзя и того было назвать так, ибо по большей части люди просто разбежались кто куда, а рать их попросту казнила на ходу, доставая мечами своими и отпихивая окровавленные тела щитами.

От того и червленными стали – "червоными" значит, или красными.

(И в этом же лежит ошибка другая. Щиты вовсе не были такими, как их на картинках изображают. Они были круглыми, ибо так еще с государства древнего Египта повелось. Это из слов самого Бога. Что же касается щитов, действительно сделанных в виде «черви» по масти карточной игры, то они появились гораздо позже и не у русичей, а у рыцарей и других, им подобных).

Сеча та продолжалась аж до вечера, и людей было много побито за время то. Сопротивления, как такового, никто не оказывал, разве что желая себя уберечь, кто просто руку поднимал или брал что-то впопыхах.

Смерть тут же таких настигала, так как русичи сильно возбуждены были и особо от хмеля своего, что с собою привезли.

Наконец, ночь настала, и кровавая битва прекратилась. Рать возвратилась на лодии, не досчитавшись всего несколько человек.

Но вскоре и те объявились и, не желая признаться, что попросту битву проспали, сказали, что в плен попали к врагу.

И вновь буйство наступило в хмелю большом, так как после битвы снова к тому же приспособились. Подожгли некоторые корабли, суда другие и в бесчинстве вновь в город бросились.

Люди по углам прятались, жизни свои сохраняя. Но доставали их оттуда русичи и головы отнимали просто так и ни за что. Просто за то, что тот по другую сторону был от бога ихнего Перуна.

Вскоре огонь переметнулся и на их лодии, и князь испугался, что без судов останется. Тогда, быстро согнали людей иных и заставили тушить руками, ртами и всем прочим, что только в голову придти могло.

Наконец, буря огненная стихла, рать и князь немного успокоились, но выпитый хмель вновь придал страстного жару и тут же людей тех, что тушили, порубили и, сложив на одно из судов недогоревших, плыть отправили.

Но на этом еще всё не успокоилось. На заре, только-только, когда солнце вставать стало, рать пробудилась и, опоив себя вновь зельем оным, воевать с врагом, супротив бога их стоящего, отправилась.

И опять та же рать бесчинствовала и силою все делать свое желанное и презренное заставляла. Когда же день на убыль пошел и рубить уже мало кого осталось, князь остановил своих гридней и приказал дань сносить всякую на свои лодии.

– Увезем столько, сколько лодии поместят, – сказал Игорь и принялся руководить общим делом.

Вскоре и это состоялось. Но, усмотрев, что много еще добра осталось, князь собрал свою ближнюю рать, из воеводы и сотников состоящую, и приказал так:

– Надобно часть людей наших, тех, что впопыхах взяли, здесь оставить. Скажем, погибли в схватке неравной.

– Как же так? – спросили князя другие. – Не будем же мы их убивать за то сами?

Тогда, от своей доли откажитесь, – сурово произнес Игорь, – как могу я рать свою содержать, если дань мне небольшую в землях наших воздают?

Да, то правда, – согласились собравшиеся и, не долго думая, порешили то же.

Только надо это втихую сделать ночью, чтоб не видел никто, – распорядился князь, – возьмите одежды убиенных и приоденьтесь сами. В то никого не посвящайте больше. Пусть, так и останется в тайне.

Сколько же людей нам порубить восьмерым придется? – спросили удивленные сотники. Почему восьмерым, десятерым. И я с вами пойду, да еще воевода наш.

Ну, то дело другое, – согласились сотники, раз с нами князь. Значит, и Бог тому в помощь. Когда начнем?

А когда стемнеет и спать улягутся все после питья общего. Вот тогда, и будя все состоять так.

Гласим наш князь и оглашен во веки веков будя, – сказал один из сотников. Тот, что тестем Игорю зовется и руку вверх поднял с хмелем.

Хором все дружно выпили, да на том беседа и завершилась.

А ночью кровавая сеча людей из роду своего и состоялась. Убиенных много было, и вода была телами их полна.

Мало вовсе рати осталось, так как увлеклись сотники. Даже часть таких же порубили, как сами. Испугался князь того. Сил-то мало осталось.

Кто знает, а вдруг, город сей подмогу какую ждет. Велел он тотчас грузить лодии своим людям, которые пока живы были и побыстрее уходить от берегов тех.

Побудили остальных, так и продолжая в крови оставаться. Спяну так никто и не разобрал, что к чему. Воевода же крикнул:

– Другов ваших порубили много, пока вы в плену хмеля оставались. Отомстим же за это. Заберем все богатство их, как мзду за жизни друзей наших, отцов,

матерей, детей, сиротами оставшихся. На берег, други мои по рати. Тащите все, что пригодиться может для дела какого. Так князь повелел. Сам он обессилел

в бою том, вас спасая. Теперь, поживает на лодии своей.

И вновь рать оставшаяся и до трех сотен опустившаяся, потянулась в злобе на берег. Кто под руку попадал, то сразу с жизнью прощался.

Вскоре появился на берегу и человек тот, что вначале князя повстречал. Слеп он стал от горя увиденного и руки протягивал, к князю двигаясь.

Отрубили руки те сотники, так и не подпустив к Игорю, затем глаза взаправду выкололи, а уже опосля голову снесли. Только и успел тот человек произнести такое:

– Бог вам судья за злодеяния ваши.

Услыхал кто-то те слова и уже на мертвое тело набросился, четвертовал его, а затем по кускам в стороны разбросал, чтобы вовек не собралось.

Грабеж тот и дальше продолжился. А вскоре на берегу никого не осталось. Лодии отошли в море, освободив гавань, и веслами тела людские то и дело отпихивали оставшиеся.

Кровь залила всю ту водную гладь, а солнце еще больше создало картину побоища. Кто-то усмотрел в этом участь большую и сказал со стороны города того:

Гавань эта золотым рогом называться должна.

«Отчего так?» —спросили те, кто еще оставался в живых.

– Золотой потому, что золото по ней увезено наше, а рогом – потому, что вид сего она имеет.

Так и обозначилось то все, опосля сечи большой и расхищения богатств всяких.

Стали собираться люди в городе том и мало их вовсе осталось. Сосчитав, посчитали и убиенных и от счёту того волосы на головах в небо поднялись.

– Господи, – взмолились люди те, – зачем допустил ты кровавую распрю сию. Неужто, не видел и крика нашего не слышал. Чем прогневили мы тебя? Волю твою исполняем, никому вред не приносим. Увезли варвары те все книги, золотом починенные. Сколько трудов наших посеяно. Все вновь начинать придется.

Но не слышал Бог того тогда. Не было на Земле его в тот момент. Оттого все и произошло.

И так оно до сих пор ведется. Есть Бог – порядок более-менее соблюдается. Стоит уйти на некоторое время – сразу мзда восстает, и брань людская возникает.

Помолившись, люди те начали погибших и от страха усопших и, особо детей малых хоронить, в одном месте возлагая и делая могилу им братскую. Удивились они, когда не своих повстречать среди убиенных пришлось.

– Знать и со своими так поступили, – решили люди, – из нас ведь никто не противостоял тому. Варвары они, язычники – болтуны, значит. Слова своего не держат. На погибель общую созданы чернотой какой. Бог не видал того, иначе бы заступился.

Вышел их царь из убежища своего и подступил к людям, но они изгнали его от себя.

– Не царь ты нам, Константин, коли к врагу лицом не вышел. Народ свой не защитил. Уходи с земель и города этого. Бог даст другого царя. Сына убиенного на берегу морском и провозгласим и Бога об том попросим. Павлом он прозывается, но имя все ж сохраним твое, ибо город сей от него прозывается. Будет и он Константином, хоть и Павлом его зовут. Так и должно быть согласно завета божьего.

Вот так с тех пор и пошло, что именем одним зовется, а по богу другим прозывается в соответствии с праздником или традицией какой. Не смог перенести того тот Константин и неподалеку от могилы той повесился. И вновь люди недовольно зашумели.

– Ушел из жизни по греху большому. Как Иуда сотворил. Не дадим этому распространиться и в книгах не опишем о том. Пусть, просто убиенным будет в нашествии этом или отравлен врагом своим при беседе оной.

Так порешили те люди, и так отразили в письменах разных.

Кто писал, что царя того отравили, кто иное приписывал, а кто попытался и вовсе все то не упоминать. В общем, дошло до нас не совсем то, что было. Но не будем пока вести разговор по тому и расскажем далее про подвиги Игоря и дела рати его бесчинной.

Долго лодии по морю плыли и, наконец, до реки своей добрались. Но спала она уже и тяжело им обратно идти стало. Тогда, пришлось волоком их заволакивать, иногда и по суше идти, на колеса лодии, как и прежде, ставя. Но, в конце концов, добрались они до своих мест, правда, по дороге кое-что еще произошло.

Повстречали они по дороге племя одно, булгарами которое прозывалось. Рассказали им о якобы напасти на них большой со стороны тех, кто в том городе проживает. Удивились те тому. Сами ходили в края те, но такого не случалось.

Не случалось, а вот случилось, – ответил князь булгарину одному, – не советую больше ходить туда. А то, как и мою рать, возьмут и погубят.

А зачем ходил ты туда? – спросил его тот же.

Отец перед смертью велел мне то сделать, Олег Вещий.

Слышали о таком. Знаем, что в хорошей дружбе состоял он с царем тем Константином.

– Состоял-то состоял, да вот беда приключилась, – развел Игорь руками в стороны и беспокойно осмотрелся по бокам. Не хотят ли ему булгары эти вреда причинить.

Угадал мысль его тот человек и сказал:

Не бойся, мы зла не причиним. Как-никак, а в одном племени состояли, да и вера у нас одна.

Знаю это, – отвечая Игорь, – говорил когда-то мне отец мой об этом.

Ну, коли знаешь, тогда прощай, – ответил булгарин и отошел в сторону, уводя и своих людей.

Странен человек сей, – тихо сказал Игорь своему воеводе, – сосчитал ли ты, сколько у него ратников состоит?

– Да, немного. Может, сотня и будет.

Точно ли это? Смотри, не подведи.

Да, точно. Сам на руке прикладывал.

Ну, тогда, труби в рог. Враг то наш на сегодня.

Что ты, князь, – испугался воевода, – то же друговы наши. Негоже так поступать .

Вели рати собираться, – тихо сквозь зубы сказал Игорь, – я сам поведу в бой. Пусть, поослабнет их взор. Вот тогда, и нападут со стороны своей.

Как знаешь, князь. А, что я gridsням скажу. Сейчас же не ночь?

Много болтаешь. Собери людей лучше и в ряд боевой построим. Сейчас и нападём, пока они об том не ведают.

И вновь обманом и хитростью Игорь учинил бойню. Побили они другов своих, которых едва-едва человек сорок насчитывалось. Ошибся воевода в счете своем.

Вот и хорошо, – довольно сказал Игорь, обтирая меч об убиенного им болгарина, – меньше говорить всякое будут. Мертвые лучше тайну сохраняют. Так ведь, воевода? – и тут же князь со всего размаху вогнал меч тому в живот.

Так, князь, – захрипел тяжело тот, да так и рухнул на землю.

Один есть, – тихо сказал Игорь и зашагал по полю к остальным.

Вскоре войско собралось и удалилось от этих мест, оставив тела на раздор хищным птицам и твари земной.

По дороге Игорь разбросал всякую утварь, взятую из города того, дабы создать видимость нападения с той стороны.

– Так-то лучше будет, – тихо говорил князь, хмуро из-под бровей посматривая на то, что содеяно, – надо бы и других к земле прибрать. А то разболтать могут всякое.

И Игорь начал составлять план дальнейших действий. Совсем скоро был привал и на нем князь поспешил избавиться от излишних свидетелей содеянного той ужасной ночью.

Напоив сотников своих почти до усмерти, он возложил их всех спать на одну лодию, а затем украдкой поджег ее и со стороны наблюдал за тем, чтоб никто в живых не остался.

Но тревоги в этом его были напрасны. Лодия сгорела дотла, а останки людей разнеслись волною в разные стороны.

– Вот и все, – тихо сквозь зубы сказал князь и удовлетворенно потер руки, замозолившиеся от частого употребления меча и немного дрожащие от хмельного угару.

Рать восприняла ту весть скорбно. Жаль было ей сотников – таких же братьев по оружию, как и они.

– Видно Перун чем-то рассердился на нас, – сказал молодой воин, скорбно бросая крохи земли в свежевскопанную могилу на берегу огромной реки.

– Это не Бог карает нас, – отозвался кто-то другой, – это мать-земля наша такого бесчинства не может потерпеть.

Разговоры и дальше продолжились, но вскоре поутихли. Князь все то слышал, и это ему не понравилось.

– Надо их также к земле приспособить, – тихо процедил князь и вновь начал обдумывать, как бы что сотворить, чтоб поменьше той рати очевидной осталось.

И снова князь добился своего, как только к порогам тем подошли.

Велел на очередном привале собрать все драгие предметы на нескольких кораблях князь и своих самых верных людей поставил во главе их.

Сам же с группой других собрался плыть на ином судне.

Когда все готово было, велел Игорь паруса поставить всем, окромя судов с их богатствами, которые посреди плыть должны.

Удивилась рать его общая. Еще ни разу через пороги с парусами не ходили.

«Ветер в нашу сторону, – сказал на то князь, – Перун помогает нам».

Поверили той росказни князя воины и так сотворили. А спустя время некоторое пустились в путь.

К тому времени в небе гроза разразилась. Молния, гром ударяли поочередно.

Перун путь нам освещает, – закричал князь со своей лодии, – гром его камни под нами разрушает. Вперед, за мной, воины верные, отроки князевы.

В этот момент темнота наступила, и ничего видно не было.

Суда под парусами на камни те пошли, ветер гнал их жестоко, дождь сильно заливал, а в некоторые лодки молния ударила и огонь вызвала.

Князь же спрятался за уступом скалы огромной, опутив парус свой и держа лодию на веслах.

Видел он, как лодии рати его верной вглубь камней тех уносились, там переворачивались и разбивались. Многие горели заживо и в реку бросались, но воды ее вглубь затаскивали, вихрем кружа и со всех сторон наплывая.

Так и погубил князь войско свое, оставив только тех, кто лодии с богатством охранял, да еще, кто с ним рядом находился.

Сам же по скале пробрался на берег и через время возле лодий с богатством оказался. Был он мокрым и растрепанным, отчего показался всем таким, словно в аду том побывал.

– Горе мне, – воскликнул князь, якобы к небу обращаясь и на колени став перед людьми теми, – погибли все мои друговы ратные. Бог пожалел только меня. За что, спрашиваю? Так сделал он потому, что верность всегда ему храню. Богатства эти ему везу. Честь и хвалу воздать должен Перуну нашему, иначе громом и молнией покарает всех, да еще путиной дождя и волною круговерти большой.

Игорь склонил голову до земли и сделал вид, что рыдает. Склонились и те, что остались возле лодий этих и зарыдали взаправду.

Жалко им было людей своих, а еще жальче князя им стало. Вскоре укрыли плечи его они хламидою и отвели на одну из лодий, где хмелем напоили и спать уложили.

– Велик наш князь, коли Перун его одного в живых оставил. Честь и хвала ему одному. Век правдой и верой служить будем, и весть сию везде и расскажем.

Слышал то князь со своего места и про себя радовался.

– Хорошо же я сделал, что так умно поступил, – тихо говорил он про себя, – теперь, никто правды не узнает и имя мое вовек славиться будет.

С теми мыслями он и уснул.

А на утро, по погоде хорошей он с судами пороги те миновал и к Киев-горе приблизился. И вновь рать его малочисленна подивилась тому.

– Видать и взаправду князь потомок Олега Вещего, сын его сродный. Только так мог поступить тот. И также этот поступает.

Так весть сия и разошлась по всему свету и до сих пор Игоря того, что "Слово" свое никогда и не писал, за князя великого почитают и хвалу какую воздают.

Книгу ту писал уже правнук его Мстислав Ярославович, узнав сие от бога самого. Да и то всю правду он не написал. Побоялся уже себе навредить, ибо потомок он был Игоря по роду его с Ольгою, женою князя того.

И написал Мстислав книгу ту от его имени также по божьему завету, ибо Бог хотел, чтоб народ русский правду-матушку знал и почитал. Но как видно из самого "Слова..." не все так ясно там указано.

И только сейчас Бог правду ту ведает, ибо теперь она никому не вредит, а только может пользу принести, да еще знания какие о прародителях своих кое-кому.

Бояться того не надо и от совести уходить далеко. То время прошлое и людьми теми прожитое. Потомок к тому отношения не имеет. Есть у него своя душа и свой ум, оценить который могут только люди окружающие не в угоду ему, а по справедливости.

Таков мой завет по сему, яко Бога вашего всевышнего, ибо сие лично сам подаю и желаю очистить скорее душу ту падшую земную, дабы имя его зачастую в людской скорби больше не

произносилось. Хотя имя само не виновно, и всяк его почитать должен, ибо и оно мною составлено, и дано людям повек. Речь только о человеке-теле его ведется, а не об именах вообще. Ну, да, ладно, возвратимся к отроку тому и посмотрим, чем дело то все завершилось.

Князь подошел на своих лодях к Киев-горе той, и отовсюду народ ближний прибежал встречать его. Думали вначале, что лодии других отстали по реке, но когда князь сообщил, что рать по пути по всяким причинам погибла и что город тот врагом сказался, тут же праздник в общую панихиду превратился.

Плакали и горевали люди. Многих в семьях не досчитались. Вышла на берег и княжна Ольга, мужа своего повстречала. Бренная особью оною она уже была. Живот говорил об этом. Увидал Игорь то и вовсе обрадовался.

– Знать Перуну и взаправду все то угодно, что я сотворил, – тихо сказал князь, подходя к своей жене и обнимая ее. Никто тех слов не услышал, да и не до того было.

Плач стоял по всей округе ближней, а вскоре и на гору вверх перебрался. Рыдал весь город Киев, ибо погубил Игорь его жителей. Семьсот шестьдесят пять жизней положил князь собственноручно, считая и те, что сотниками были погублены, ибо он ими повелевал, и он же всяко дело обставлял.

Но никто не знал того и всякий князя почитал. А тут еще оставшиеся рассказали о буре и о том, что Перун только князя и спас.

Люди вообще пали на землю, да так и оставались там аж до самых вечерних сумерек. Богатства, правда, сразу снесли и в терем тот на горе сложили.

Остался князь без рати и охраны своей. Но мало горевал он по тому. Знал, земля даст других людей, которые предыдущих заменят и ему всяко благо будет.

Довольная ли ты, любовь моя и зазноба Ольга-княжна, тем, что я тебе привез?

Да, князь, довольна и горжусь тобою. Сына нашего к тому приучать буду и всяко поддерживать его во всем. Особо в делах ратных. Они богатства нашей земле могут принести больше, нежели труд какой или что еще.

Вот так и начиналась русская культура, такой она есть и по сей день. Очень мало с тех времен сохранено, но все же кое-какие доказательства имеются.

Но пойдем далее по "Слову Игоревом" и расскажем, что было потом.

А потом, совсем немного осталось. Только год и прожил князь в богатстве том дивном. По весне с большой водою Игорь вновь по землям пустился.

– Коль могу я добывать злато за пределами земель моих, то почему у себя мне не сделать того же, – так говорил сам себе князь.

И дело то проворно делал. Но не долго ему помыкать люд пришлось.

В краю древленском /деревьев там было много тогда, а сейчас край тот Полесьем зовется/ участь его и настигла. Набрал к тому времени князь в лодии свои добра всякого и в пору домой было возвращаться. Но, как говорят, жадность другую губит. В одном из городов тех древних то и случилось, что Оступью тогда звался из-за неприступности его в осаде какой.

Стены огромные были воздвигнуты из бревен больших и никому проникнуть туда не удавалось.

Был там воевода посадский. Терем тот был княжеским посадом. Древлянский князь там отдыхал в ряды лета какие /в общем, загородный дом по тому времени/.

Не понравилось воеводе это тому, Тимом его звали, от слова "темя", что значит, макушка на голове. Плешь там была у него на том месте.

Так вот, Тим этот, подарив князю многое из вещей, решил и себе что-то оторвать. Но ратник княжеский Игорев заметил то и Игорю сообщил. Князь, не долго думая, пошел к дому Тима того, чтоб поговорить с ним и составить мзду дополнительную за дело такое.

Но воевода прознал об том раньше и приготовился к встрече.

Стали у входа два его ратника дюжих и когда Игорь вошел, они его на мечи и подняли, как вора-злодея какого. Князь и понять не успел, что случилось, как помер. Меч один сразу же под сердце угодил, а другой в легкое вошел.

Испугались ратники те, что сделали это. Не думали они, что то князь будет. Обманул их воевода. Побросали они мечи и к дверям метнулись, но тут рать немногочисленна князя приблизилась к дому и, завидев окровавленные руки тех, вмиг их порубила, так и не спросив обо всем.

Тим же встретил ратников с беспокойством, князя на руках своих держа. Видел он, как тех двоих порубили. Но не спасло его это, так как воин тот, что князю обо всем сообщил, тут же рассказал о его делах.

Рать бросилась на Тима и через минуту дело было кончено. Но затем никто не знал, что и делать. Как князю древлянскому сообщать, как княгине что сказать. Не уберегли князя от злого глаза и руки врага в земле своей.

Долго размышляли воины, но так ни к чему ж не пришли. Погрузили тело они Игоря на лодию, да так и в путь обратный двинулись. Тима же в реку бросили да тех двоих, что на уговор его согласились.

Долго шли суда по реке обратно. Тело князя сильно уже попортилось. Но никто выбросить его не решался. Так и довели его, едва-едва сдерживая самих себя от зловония исходящего.

Весть о гибели дошла раньше лодий по земле обычной. Не пошла Ольга встречать, как обычно, на берегу мужа своего. Только на крыльцо дома своего вышла с младенцем на руках, который совсем недавно родился, и произнесла:

– Ненавижу я землю русскую. Покараю древлян тех, а также всех, кто еще руку на княжескую семью поднимет. Будет сын мой в этом порукою и силой большою. А пока он взрастет, сама править буду. Не было так до этого – так будет.

И с той поры так и повелось на Руси. Муж погибает, жена его правит. Княгиней либо царицей называясь.

Ничего не сказали по тому поводу те, кто окружал Ольгу. Боялись ее. На гридню она полагалась и были они ей лучше, чем кто-либо еще, ибо ими управлять можно было всяко без супротив слова сказанного.

Похоронили князя Игоря возле отца названного его, и на могиле Ольга поклялась отомстить за смерть его оную всем тем, кто в городе том проживает.

Для отмщения того она на хитрость пошла. Голубей собрала, перья им смолою обмазала и подожгла, отпустив возле города того, в облоге находясь.

Голуби к голубкам полетели и крыши домов загорелись. Погибли и птицы те, богом, как символ мира обозначенные.

Древляне из города того сдались и многих, особо мужчин, порубили, тут же в реку бросая, как тех, кто князя киевского погубил.

Прибыл сюда и князь древлянский. Голову склонил перед княгинею. И тут же ее лишился. По приказу Ольги гридень отрубил оную.

– Не нужен такой князь земле древлянской, коль не может людьми править и всяк совладать. Пусть, подыщут себе другого. Не важно, чтоб умом или чем отличался. Важно, чтоб порядок чинил, дань привозил и мне лично или князю киевскому, Руси всей подчинялся.

Так было порушено первое, чему учил сам Бог. Выдвигать на такие посты людей умных и силой тою же обладающих, а не просто молчаливо подчиняющихся и тем самым вред, как себе, так и люду принося.

Так оно все передалось по поколениям, и так до сей поры вершится. А коли не так и по-другому – то все равно только в угоду себе или кому-то творится.

Это я говорю вам – Бог, которого Перуном, Сварогом и прочим именем называли во время прошлое. Затем Христом, Богом-отцом и духом святым. По-разному было то и есть оно сейчас. Жалко только, что с именем моим души ваши мало меняются. И жалко мне тех, кто во все времена под рукой такой вот стати людской пал просто так, ради славы кому-то или богатства всякого.

Но продолжим сей сказ.

Итак, Ольга отомстила за князя и в Киев обратно воротилась. Но тут весть ее ждала другая неуютная. Половчане вдруг возле стен городских объявились.

«Кто такие?» —спросила Ольга у одного из тех, кто к городу сему прибыл и был за главного.

Половцы мы, – ответил тот человек, – я каган ихний. Зовусь Ямбожем. Далек от вас проживаем. Мало у нас всякого добра из древа и под ним растущего. Хотели б мы попросить помощи у вас. Дайте семян каких, чтоб и мы обзавелись тем же. Может, также кое-чему другому обучите. От того не откажемся.

Нет у нас ничего, – ответила Ольга, – уходите от стен града сего. Не до вас сейчас. Только мужа-князя похоронила. Память о нем еще не остыла.

Обычай любой уважаем, традиции сохраняем, – ответил каган половецкий, склоняя голову, – придем в другой раз, когда горе ваше поостынет немного и сами вы жизнью наберетесь.

С теми словами половцы, численность которых была человек восемьдесят, удалились.

Что за люди такие? – спросила княгиня у одного из старых людей при посадке княжеском находящегося.

Это половцы, дань времени прошлому, – ответил старик.

Что то значит? – сурово спросила Ольга.

Олег Вещий поведал мне о том, а ему передал Кий, отец его об этом. В родстве кровном мы состоим. Боги, правда, наши по-разному называются, но веру одну чтим. Свядоборг – их бог зовется. Так говорил Олег Вещий. Когда-то мы все состояли в роду одном в каком-то древнем царстве. Горы там большие из камней воздвигали. Потому и здесь такие воздвигли.

Об том знаю, – перебила нетерпеливо Ольга, – отец сказывал. А об людях тех не слышала. Думаю, ошибаешься ты в этом. А кто еще об этом знает?

Ох, мало людей таких осталось, хотя по роду может и передалось.

Так назови имена их, – сказала Ольга, блеснув глазами, – хочу к себе приблизить. Пусть, мне то все ведают сами. У тебя-то есть в роду кто?

Да, сын мой у тебя в гриднях служит. Хазарий зовут его.

Знаю такого, – ответила Ольга, – а что за имя ты ему дал такое?

Так бог повелел, Перун, – ответил старец и развел руками.

Вели, пусть ко мне придет и составь имена тех, кто сие знает в граде нашем или где еще.

Хорошо, княгиня, составлю. Только за других не знаю. Давно ведь здесь проживаю.

– Ладно, хорошо. Составь тех, кого знаешь. Да, смотри, не забудь.

А спустя время, дней через десять, все те люди были собраны воедино в родах своих вместе с детьми малыми и большими. Был и гридень тот тут, что Хазарием звался.

Знаете ли вы половцев? – прямо спросила Ольга у тех людей.

Знать не знаем, а только ведаем о том по роду своему Сварожскому.

Что за род такой? – удивилась княгиня.

Все мы из одной семьи выросли, – отвечал другой человек, – затем по роду семьи в стороны ушли, да так и разошлись по свету.

Знать, вы тогда не русские? – предположила княгиня.

Нет, мы все русские. Только так прозываемся по-своему в семьях и богу тому же подчиняемся.

Как, не Перуну?

Перуна почитаем, Сварога признаем, как бога своего.

А Свядоборг?

То есть бог половецкий.

«Ага, – сказала Ольга, – значит, в бога нашего Перуна не веруете?»

Нет, княгиня, почитаем всяко, а веруем своему. Потому и прозываемся сварожцами.

Так, так, – постучала Ольга пальцами по крепкому столу, за которым сидели все, – а что еще за половцев мне поведаете?

Такие же, как и мы они, – отвечал тот же человек, – и к роду одному нашему относятся. Давно, правда, они ушли в края дальшие, а может, по пути сбились и заблудили, да так и осели.

– Где же их земли располагаются?

Того мы не знаем. Ведаем только, что есть такие люди и нам они сродни приходится. Знаем только, что мало древ у них, а то и вовсе не растут они. Потому, за помощью они и приезжали.

А что, вы беседовали с ними?

Да, был разговор у нас небольшой. Люди они хорошие. Правду говорят всегда и в мире жить хотят со всеми.

Кто еще знает и ведает о разговоре вашем, да и о них? Может, кто больше сумеет рассказать?

Да нет уж больше никого. Только мы и вели беседу. Язык к нашему чем-то схож. Князь их, правда, ведает и по-русскому. Обучен он ему в детстве далеко от предков своих.

«Хорошо, – сказала княгиня, – побудьте здесь за этим столом». Распоряжусь я, чтоб накормили вас сытно. Хорошую весть мне принесли.

Благодарим, княгиня. Велика для нас честь такая.

Ничего, я свой люд люблю и оберегаю всяко.

А через время обед тот и состоялся, после которого каждый вплоть до самого малого животом вверх и расположился.

Отравила их Ольга и волхвами прозвала за то, что воздавали /влачили/ хвалу богу иному и волновали люд другой, рассказывая о половцах и других людях.

Затем клич княгиня дала и во всех землях волхвы те были уличены и казнены. По реке их тела пускали, и всяк длинной жердью отпихивали, чтоб уносились далее к порогам тем, что уже костью людскою обросли во много раз больше, чем самим камнем.

Так оно и повелось с тех пор. Кто правду на Руси воспеть хотел, то тех сразу волхвами прозывали и тут же казнили. Долго так шло, и злобе предела не было.

Ольга подстрастила то, разнеся весть о том, что волхвы якобы ее отравить хотели. А так, как она с ними за одним столом сидела, и то все видели другие, то тому и поверили. А еще говорили так:

– Ольгу-то, княгиню нашу, Перун спас от волхвов тех, Сварогу подчиняющихся и бога нашего не признающих.

И оттого вера в княгиню воцарялась большая и слава об ней, как об Олеге Вещем разошлась во все стороны.

Тогда же Ольга половцев врагами обозвала и велела гнать их подальше от земель русских и ничего не давать. С тех пор и началась война между родственными группами и так оно идет до времени этого. Мало кто знает о таких природных претворениях людских и, конечно же, продолжают враждовать между собою.

Чуть позже половецкие племена в печенегские были переименованы из-за того, что печень лошадей, животных на костре всегда поджаривали. Русские же того не ели, ибо Перун якобы то запрещал.

Примечание: волхвы /влачили хвалу, то есть волокли по роду/. Как видите, мода на сокращения пошла оттуда.

Та же Ольга постаралась и в деле другом. Чтоб посильнее скрыть всякие факты своей деятельности злобной, выдумала она племена хазаров от имени сына того человека, что первый поведал ей о половцах.

– Пусть, память о Хазарие, гридне моем, будет всегда, – говорила Ольга сама себе и сыну малому Святославу, – нареку я народ тот половецкий и печенегский хазарами какими. Они ведь ему по родне сходятся. Так пусть, так и будет. Повек люди помнить будут о гридне моем.

Надо сказать, что Ольга гридней своих очень любила. Это была ее сила и они, конечно, ей бессловесно подчинялись, выполняя дела такие, что в здравом рассудке в голову не придут. Но об них потом скажем. А пока по половцам или печенегам пройдемся.

Что то за народ и где он теперь проживает? Трудно определить воочию и местность ту указать.

По большей части это к Крыму сухому относится, то есть к степи большой без дождей и деревьев, кустов каких. Так и прозывалась та степь – половецкой. Потому что, окромя поля ничего не было. Польшь трава там росла во многом числе и в одном из заветов моих божьих на то указано. Только люди приобщили все то по другому.

В заветах, заповедях я указывал на ошибки ваши допущенные и их же буду указывать и в дальнейшем.

Крыма, как такового, тогда не было. Не было перешейка и прочего. Море соленое стояло Азовское. Про него тогда знать не знали. Дальше вглубь степи не ходили и по большей части на краю находились степи той. Ближе к людям держались, ибо они – то была жизнь для племен тех.

Половцами можно обозвать народ генуэзцев старых. То есть, тех, кто потом в самом Крыму на побережье стал проживать.

Но за время всего столько произошло, что теперь точно определить нельзя именно в ком-то. Знать надобно только то, что русские и те половцы – генуэзцы старые, по крови своей родственниками считаются.

Ну, а кто конкретно, это уже люди сами узнают, если захотят свою родословную определить.

Но не причислите татар, к Казани, как матери их возродившей, относящихся. То не половцы. То монголоиды, если так будет понятнее.

Ладно, не буду пока смуту в сердцах ваших вызывать. Время придет – поймете, о чем речь свою веду. Надо вначале одно закрепить и усвоить.

Так что, продолжу рассказ далее за Ольгу и по роду их дальшему.

Окромя слухов тех, до времени этого мало дошедших по праведности своей, также Ольга смуту великую возвела в народах, то есть группах тех людских. Покарав князя древленского, она навек мзду создала в душах людей, времени того состоящих.

Собравшись сажать на престол князя Святослава, сына своего, Ольга постаралась сделать так, чтоб не было ему каких других помех. Семью князя древленского она сгубила, добыв славу себе княгини большой, якобы людям на помощь прийти старающуюся. Позвала она ее в Киев, да тут чрез время и загубила, сославшись на пожар и удушье от него.

Смолчал тогда древленский народ, узнав об этом. Тут как раз слава о волхвах пошла, да не до того ему было. Других "виновников" искали и сами же казнили.

Князя драгомыжского, то есть из города Драгомыж, что так звучать стал от драгих подарков, как дань идущих князю киевскому, а также от слова старорусского "мыж", что значит, помад, услади и т.д., от земель Полянских Ольга также к себе возвала на гору ту, якобы в помощь.

Жена князя там родила, но та же Ольга постаралась, чтоб семья погибла и бросила в воду младенца того, когда рекою вместе полюбоваться пришли. Испугалась жена князя и бросилась следом в реку с кручины высокой, да так и утопла там. Плавать она мало умела и река затянула вглубь вод своих.

Князь, узнав о том, бежать было к реке собрался, но тут княгиня русская постаралась. Гридни на мечи его подняли, и дух он свой тут же испустил.

Князя Святополком звали и в истории, людьми придуманной, есть ошибка в том.

Так что, к восходу Святослава на погост княжеский, ибо из голов других он сооружен был, никого не осталось из родов других.

Так оно на Руси с той поры и повелось. Аж до года 1917 дотянулось, пока последнего не снесли те самые русские люди.

Так не со зла говорю, а подчеркиваю духовность вашу и истинную красоту, внутри сидящую и мало во времени к другому приходящую.

Далее стал всем править Святослав. Посадили его на посад княжеский, и пред тем, как освятить, голову обрили. Много кудрей было у него. Требовалось голову в порядок привести. Ольга времени сыну мало уделяла. По большей части она делами каверзными занималась. Потому и дела до него никому не было, окромя воеводы, из гридней возведенного, который был за отца и за мать одновременно.

Так вот с той поры и пошло. Как князь – так и бреют его почти наголо, а сверху чуприну оставляют или чуб еще то прозывают. Так было для того сделано тогда, чтобы когда святили в воде реки большой, не утоп князь. За чуб его держали помощники.

Оттого же, спасая из воды других, так же за чуб тянут, то есть за волосы. Это русская традиция такая, из века в век переходящая.

Святослав не был таким, каким в истории отображен. Был он стеснен во многом, в речи нуждался, слабо произносил и говорил слова какие.

От этого, кстати, многие словоискажения пошли, которые затем в словесности отобразились и в письменность перевелись.

Теперь, неразбериха во многом и даже в обычной речи русской те слова присутствуют.

Возьмите хотя бы слово "чуб". Было оно словом "чуприна" от слова "чуповать", стоговать, значит.

Но князь не выговаривал буквы многие. Потому, говорил просто «чуп». Так оно и состоялось. Только вместо "п" поставили "б", чтоб созвучие было и более ярко отображало сказанное.

Но самому главному воевода князя обучил. Воевать тот умел. И всякий раз Ольга куда его и посылала. То в земли другие ходил, то по свету бродил, как волк овец опасая.

В общем, в Киеве он мало сидел. Да, матери-княгине того и не нужно было. Ей хотелось только богатств побольше. От того и сына своего не жалела, а в бои всякие посылала.

Воевал он с половцами-печенегами, которые братьями звались. Были у него встречи с каганом печенежским, Курей которого звали от слова такого.

Конь как помчит, так куря, пыль значит, и поднимается. Так и князя-кагана прозвали.

Многое ведал ему тот Куря, да и другие каганы, которых повстречал Святослав. Но не верил им князь русский и всякий раз нападал на те племена, подвергая их уничтожению.

Много в этом мать его – Ольга постаралась. Всякий раз говорила она сыну:

– Не верь им, верь только мне. Олег Вещий ведал правду отцу твоему, а ему Кий – основатель города нашего.

Верил Святослав матери. Никто ведь другой подтвердить обратного не мог. Да и боялись люди теперь всего. Даже рты закрывали рукою при виде князя или кого-то еще из его близких и ближних, не говоря уже о самой княгине.

Женился вскоре Святослав на одной из девиц, отличавшейся своей красотой. Разродилась она чрез время сыном, сама же умерла, не выдержав того.

Сына няньке княжеской передали, да так она его и вырастила. Князь же вторично женился через время годовое. От того и пошло потом, что сходиться с кем-то опосля смерти кого, можно только через год.

В общем, люди пример с князей брали и жили по не писанному закону с их стороны княжеской. В жены Святослав выбрал одну из посадских дев, то есть из ближних по роду ихнему. Но княгиня противилась браку тому и всячески не хотела подчиниться воле сына.

Вскоре после торжеств, свадьбы значит, жена новая померла. Никто не узнал от чего и не догадался сам князь. Осыпь на ней была высыпана по телу всему, затем язвами жена княжеская покрылась.

Оспой прозвали болезнь ту и жену княжескую сожгли, пустив на плоту по реке по течению, боясь, чтоб заразы какой не разнеслось.

Так делать люди сами потом начали. И тех же волхвов сжигали, и злодеев, и других всяких. Но Ольга, конечно, знала от чего та скончалась. Подсыпала княгиня ей порошок, который приготовил один из ворожбеев старых, памятуя о каких-то древних секретах дела сего.

Чуть позже Ольга и его на тот свет отправила тем же путем и объявила на всю Русь войну тем, кто сиим делом занимался.

Так и повелось затем, что если ворожбей или ворожба – женщина значит, позже ведьмой стала называться, то ее и сжигали или его, коль то была мужская статья.

Вновь князь овдовел и больш решил не жениться. Княгиня сему не противилась. Надо было ей старость свою готовить и одного внука достаточно.

Но все же Святослав повстречал судьбу свою, девицу простую из рода простого. Был в походе он и по дороге заглянул к гридню одному. Там и встретил душу, ему приглянувшуюся в лице девы молодой и малой. От того и величали ее так – Малуша. Мала, значит.

Гридню того Добрыней звали от того, что добр был ко всем и хорошо относился. Часто говорили ему, что не место среди гридней, а он отвечал:

– Всяк видит свое только сам. Так вот и я. Гридень сегодня, а назавтра – кто знает? – в шутку так говорилось.

Но та шутка потом правдой оказалась и об том еще будет сказано опосля.

Возлюбил князь Малушу ту и хотел было на ней вновь жениться, но Ольга не позволила тому состояться, запрет большой наложив, к богу Перуну якобы относящийся.

«Нельзя тебе больше жену брать, – говорила Ольга, – Перун, бог наш, рассердится». И так уж две было.

Тогда, пусть, здесь проживает, – сказал Святослав, – хочу видеть подле себя хоть иногда, коль женою быть она мне не может.

Ну, хорошо, – согласилась Ольга, думая о том, что здесь к той зазнобе будет легче подбраться, – пусть, ее тот гридень привезет, что братом ей приходится. Но, чтоб не знал никто и не ведал. Пусть, тайна сия пребудет только между нами да гриднем тем.

На том и порешили. Вскоре то все состоялось. Малушу в посад определили и робью обозначили, что значит, по-нашему просторабочей – уборщицей. Княгиня так и говорила:

– Робь Малуша, а ну ходь сюды. Водицы мне принеси и ноги усталые промой. . .

Так оно и пошло, и в уме людей закрепилось. Только уже позже другими в рабов превратилось. Не было тогда на Руси рабов и всяких там, по-другому в том плане обозначенных.

Каждый делом своим занимался. Кто сеял, выращивал, кто мечи, бороны ковал, кто службу нес любую, а кто просто был вот такой робью при посадских, других домах.

Знала княгиня, что князь Святослав с той Малушей встречается, но не претила тому, понимая, что у всякого терпение может кончиться. Но всякий раз после княгиня спрашивала у того же князя:

Не тяжка ли Малуша наша, роба общая? Ответь по правде мне.

Нет, – отвечал князь и всякий раз уходил от княгини подальше.

– Ох, беды бы какой с нею не случилось, – говорила тихо. Ольга и шла к своим делам. Все то слышали другие посадские и простые люди, и Малуше той передавали. А она, зная, твердила так:

– Князь великий мя в обиду, беду не допустит. Следит зорко он своим великим глазом за всем и за мною также.

Верили люди сему и всякий раз Малушу в душе своей оправдывали. Знали многие, что в тяжбе с князем она состоит, но об том помалкивали и только иногда тихо переговаривались.

– Что нам смердам от того. Пусть, хоть поживет немного, как людям полагается. Князь-то ей подарки носит, всяк угощает и услаждает. Нам того не дано, так пусть, хоть она познает какое-то счастье людское.

Надо сказать здесь, что смердами назывались так потому, что порою от многих людей смердило, то есть запах пота распространялся. Благовоний тогда особо не было, а в реке мало кто купался.

Боялись течения ее и воды, круговертью заходящей. Мылись в бане, как правило, раз в неделю, а то и реже. В зависимости от того, как дожди наполнят ту купелью общую, да река подойдет ближе к их домам.

Что же касается князя Святослава, то глаза у него были действительно большими, а иногда светились, как у кошки среди темноты. Чем-то эти глаза Олеговы напоминали, только не было в них голубизны неба, а только серо-зеленоватость одна.

Но вот все же беда та случилась, и робь Малуша бременем обзавелась.

Узнала Ольга о том и хотела уже казнить ее самостоятельно. Но, поддавшись мимолетному чувству человеческой любви, все же не стала делать того, а позвала Добрыню и велела отвезти ее домой.

– Только сделай так, чтоб никто об том не узнал. На тебя полагаюсь, сотник.

Гридень я, а не сотник, княгиня, – ответил Добрыня, удивившись тому.

Коль говорю так, значит, так и есть. Отвезешь домой и сюда возвращайся. Станешь сыну моему ближней рукою и опорю в деле ратном. Хоть и зовут Добрынею тебя, но я знаю, что отрок ты храбрый и всяк князя собою в бою прикрываешь.

Исполню волю твою, княгиня, – ответил гридень и отвез Малушу обратно.

По дороге рассказал ей обо всем сам и велел помалкивать, и никому ничего не говорить.

«Что же отцу и матери скажу я?» —спросила Малуша у своего брата.

Ничего, скажешь, с гриднем сошлась, а он тебя бросил.

На том и порешили. Но не так оно стало в жизни самой.

Узнав обо всем, Святослав бросился вдогонку за своею женою, узами не облаченную. Где-то перед домом ее и догнал.

Поговорили они, но все же Малуша не захотела возвращаться обратно. Знала, что княгине то не понравится и что участь тут же придет, коль если воротится. Но князю того не сказала, а просто молвила:

Не хочу больше робою быть там. Буду родным помогать в деле ихнем.

В общем, так князь и не добился своего и воротился с пустыми руками.

Встретила его Ольга сурово, но все же смягчилась и сказала.

Знаю, нравится та Малуша тебе, и мне она чем-то сподобилась. А коль не захотела ехать сюда, то сподобилась вдвойне. Знать, голова умна и место свое определяет. Решу так я. Как срок той бренности наступит, пошлю гридня того туда, Добрыню. Пусть, привезет того, кто родится вместе с нею обратно. А этих всех я уберу отсюда. Отправлю в другой посад. За Малушу никто и зная не будет. Коль нравится она тебе, то пусть здесь и проживает столько.

Так они и поступили. Вскоре люди посадские и дворовые /на дворе они спать ложились, так как места в тереме им не было/ были упразднены Ольгою.

Конечно, никуда они не поехали, а в одном погребке, яме значит, были захоронены после услады княжеской. В общем, отравила она их. Ольга и схоронила с помощью гридней в саду посадском.

И по сей день те кости хранятся, правда, по ним теперь трамваи бегают. Содрогаются они и мзду по-своему времени этому воздают. Но это так, для сказа общего и знаний обогащения сказано или поведано люду настоящему киевскому.

Помогал Ольге Добрыня, да еще три гридня с ним. В ближайшем бою они и погибли от руки Добрыни самого. Одного под стрелу толкнул, другого под меч вражеский подставил, а третий полег под его рукою. Так княгиня повелела, сказав:

– Смотри, Добрыня. Тайну тебе одному доверяю. Никого не было подле меня одной. Сама всегда управлялась. Пусть, гридни те погибнут в бою каком, да смотри, свою голову не подставь. Будешь ты теперь наставником молодого князя, которого сестра твоя Малуша на свет привела. За то воеводу тебя сделаю, чтоб ратью командовал, а не тобою. Святослав с тем согласен. Старый воевода уже негож к походам и делам таким. Так что, смотри, дело за тобою. Ну, а коли не сделаешь – то сам знаешь, чего ожидать от бога нашего Перуна можно.

Понял тогда Добрыня, что то за бог такой и, конечно, во всем подчинился.

Мог бы и отпустить тех троих, но боялся, что расскажут кому и весть быстро та к Ольге доберется. К тому же знал, что за ним строго наблюдают другие, и если не он кого-то, то они его тотчас по приказу княгини под меч подтолкнут.

Потому, исполнил он ту волю и воротился в посад, где его весть иная ждала.

В воеводу его быстро произвели, да так и остался он им до конца дней своих. Вот и верь в то, что шуткой когда-то слылю.

Но все ж, пойдем далее и опишем все, как есть и было.

Владимиром княжича назвали. Так Ольга хотела и определили место ему свое среди посадского терема. Место то, где мать его грудью кормила, называлось рабочим.

Оттого и пошло, что Владимир-робочич, вроде бы как сын от рабы той. Никто тогда даже и не заикался об этом. Знали, что у князя есть или появился сын.

– Так Перуну, богу угодно, – говорили сами люди, боясь хоть словом, мыслью провинить своего бога, а еще хуже княгиню либо самого князя.

Саму Малушу просто робой звали. В комнате своей робьей она жила и князя маленького кормила. Новые люди посадские думали, что то кормилица и ничему не удивлялись. Так оно и было с родов княжеских. А что до матери княжича, то говорили так:

– Покойная жена мощью не взошла, а сыном обернулась.

То есть, предыдущая жена Святослава оставила ему сына, а сама померла от болезни той. Еще говорили, что в огне родила она сына того, уже на плоту будучи, и придумали, что князь Святослав спасал его из того огня.

Так вот и сокрылась правда в то время.

И только уже потом, после больших изменений на Руси, когда воцарились первые цари, один писец начал сочетать легенду и всякие домыслы свои по тому поводу.

В общем, сложил свою легенду так, как думал сам. Многое, конечно, правдой оказалось, но тогда тому не поверили и сожгли человека того и рукопись его.

Надальше, вновь иной появился и снова написал уже по-своему. Еще дальше, кто-то другой составил свое "завещание", и так оно шло по сей день. Правда и неправда рядом. Подумайте сами, если бы вы хотя бы во время царя или президента какого обзывали того каким словом, что бы было за это, да еще на Руси?

Правильно, кроме смерти и ждать больше нечего. Так оно всегда и было. Потому и речи вестись об том не могло.

Княгиня Ольга зорко следила за всем и по роду своему передала то же.

Итак, Малуша та в терему проживала и сына своего на ноги возводила. Добрыня за ним приглядывал и надальше стал его воспитателем. Князь же, как и прежде, с Малушей не разлучался. Боялась Ольга, что вновь она может брэнною стать.

Потому, через время небольшое где-то около года, она вновь отослала ее к родным. Никто тому не сопротивлялся.

Ни сама Малуша, ни брат ее, ни даже князь, к тому времени уже немного постывший в любви своей и занятый другими делами.

Малуша домой воротилась, да там и прожила всю жизнь, больше детей, не ведая и замуж не выходя.

Бывало, навещал ее князь и уговаривал воротиться по доброте своей душевной. Но мать сына его не соглашалась, и так она на том месте и осталась до самой своей смерти.

Святослав по большей части с половцами воевал, отгоняя их всяко от своих земель. Хотел он однажды пойти на Царьград, но ветром паруса порвало и суда многие о камни побилло. Воротился тогда князь, так и не изведав чуда-града того.

Опечалилась Ольга по поводу тому и велела сыну в другую весну собираться. Не хотел сам князь того, но матери все же подчинился и с годом новым полноводным вновь пошел в ту сторону.

Но то ли что-то в реке случилось, то ли бог их Перун не дал тому состояться, но лодии вновь не прошли и на берег их все повыносило.

Погибли многие люди при этом, и сам Святослав чуть не погиб, но все же река вынесла его на берег.

Казалось бы, спасся он и люди его от воды реки полноводной, но тут другая беда подошла. Повстречался на пути обратном ему Куря, каган тот, с которым когда-то он разговор имел.

Сошлись они в бою примерно равном. Людей особо не было с обеих сторон. Каждый хотел силу свою доказать и принадлежность к крови русской.

Сказал тогда Куря Святославу при встрече в едином бою:

– Князь Святоч /так он его прозывал/, есть у нас одна земля. Хватит ее на всех. Гоните вы нас подале от себя. Позволь к роду вашему присоединиться. И не нужно будет что-то доказывать и воевать между собой. Оба мы сильны и к земле этой принадлежим по крови сходной.

– Не ведал мне никто об том, Куря, – отвечал Святослав, – мать княгиня Ольга говорила только о другом. Враги вы наши и земли Руси. Потому и сражаюсь с тобою.

– Не верь этому. Смуту она пускает. Притворна мать твоя. Обманывает, не хочет, чтоб мы братьями стали.

– Какой ты мне брат. Ты даже не похож на людей наших.

– То не моя вина. Так земля и степь ее сотворили. В пыли живем, воды веками не видим. Вот только сейчас и добрался к ней, к реке этой большой.

– Не верю я слову твоему. Враг ты мне и все тут. Боишься в бою сойтись – так сдайся тогда.

Обиделся тогда Куря на эти слова, и мечи их в бою сошлись. А вскоре князь пал под его рукою и кровь хлынула из тела на кручу ту большую, где они сражались.

– Правда твоя, – сказал Святослав, уже умирая, – кровь одна у нас с тобою. Чувствую это, но уже умираю.

Присел возле него каган печенежский и глаза ему закрыл, в небо смотрящие.

– Думал, поймешь меня, брат Святоч. Но не послушал ты меня, а послушал мать свою, Ольгу-княгиню. Лучше бы глаза твои внутрь смотрели и врага там искали, а не среди народу моего или какого другого.

Сел Куря на коня и вместе с другими умчался в степь. Только раненые и остались на месте битвы той. Мертвых в реку побросали, чтоб не хоронить среди камней этих.

Собравшись с силами, оставшиеся в живых после сечи той двинулись по берегу вдоль реки к Киеву.

И снова весть быстрее ходоков тех немощных до города дошла. Узнала княгиня о гибели своего окна и горько всплакнула, закричав при этом:

– Горько пожалеют те, кто это сделал. Бог покарает их за все. Стравлю племена их между собою и пусть, они друг друга побивают.

Так оно потом и случилось. Но прежде похороны князя состоялись. Воротила Ольга оставшихся в живых ратников вновь на ту кручу. Правда, уже на лодиях туда добрались. Там и захоронили Святослава.

Где смерть свою нашел, то там пусть и захоронен будет, – сказала княгиня и велела тут же укопать вглубь каменной земли той огромную яму, в которую и людей всех, что в живых после сечи остались, также уложила рядом.

Спите совместно, – молвила Ольга в своей особой жестокости, которой наделена была с детства, – раз не уберегли князя великого, сына моего Святослава.

Так и захоронили людей заживо тех и до сих пор по круче той живые призраки носят, словно дань времени тому воздать хотят.

Кто там бывал и видел что – то знает. Не ветер так завывает. То дух людской от тел заживо погребенных и по сей день буйствует. Есть сила такая. Дьявольской ее называют или ворожбовской. Но сила та неумемлема от людских зол создана и этим же до сих пор и поддерживается.

Кто не был там, а еще пуще, кто хоть отчасти тем же страдает, не советую идти к тем местам. Могут призраки те и с кручи той столкнуть, могут в заводь какую завести или что другое подобное по злу сделать. То есть месть людская мертвая, до живых сейчас достающая.

Хоронили Святослава с драгими вещами разными. Холм вырос на могиле той большой. Стоит она до сих пор на том же месте и коль докопаться вглубь, то все то обнаружить можно. Важно только в сердце добро сохранить и без злого умыслу чинить дело то, ибо восстанет из-под земли призрак какой, учуяв по-своему чью-то мзду еще живую, и вглубь за собой утянет в бездну какую.

Ходили слухи, что Куря, князь-каган печенежский, якобы кубок из головы Святоча, брата своего, сделал. Вранье то все и в злобе большой той же княгиней придумано. Для того все делалось, чтоб печенегов-половцев тех с земли вовсе согнали и убили до самого последнего.

Ну, что ж, идем далее по следу тому и расскажем историю иную.

О Владимире Святитиче речь пойдет, сыне покойного Святослава, которого встреча впереди с тем Курей ждала.

Захоронив сына, Ольга и сама с жизнью попрощалась.

Только два года после гибели той она и прожила. Опечалилась она так в своем горе, а еще повстречала перед смертью она глас божий настоящий.

От того и умерла, в сердце своем не выдержав. Испугалась за свои грехи, при жизни содеянные. Не простил то все Бог и до сих пор дух ее, той княгини великорусской, в аду земном пребывает.

Что то такое ад – вы знаете. Что такое дух-душа – также немного познали из того, что я вам всем говорю. Но не все пока вам известно. Не знаете, как духи те подземные из недр восставать, воспламеняться могут. Сказки многие по тому мною лично говорены люду всему. И многое в них праведно. И об том разговор мой будет отдельно от сего материала, который русской историей настоящей зовется. Может и усомнится кто во всем этом. Что ж, его право. Только доказательства вскоре наверх сами обнаружатся, когда лед рушиться начнет на реке той от многих толчков подземных и кости все вверх сойдут, словно с неба падут. То и будет сиим доказательством. Но не о том сейчас речь веду, чтоб пугать кого-то. Всего того можно и избежать, коли поступить умно по завету моему и совету для всех общему. Это я говорю, ваш

Бог, о всех численных русских, тайна которых только у меня и сохранилась. Также и к иному народу то все относится, ибо и они подо мною, как русичи состоят.

Но продолжим беседу нашу длинную и оповестим о следующем герое народа русского.

Итак, княгиня, как говорят, руки наложила. То есть, когда к ней зашли, то увидели, что она в постели лежит, а руки на груди держит.

А в руках тех свеча осталась гореть, точнее каганок такой из обычного кусочка ткани, промокнутой в масло. Масло то капало на руку и жгло тело.

От того запах состоялся и потому к ней зашли. Тогда и поняли, что она умерла. И сказали тогда же – Бог наш Перун княгине руки-то сложил и ноги вместе поставил, а глаза почивать закрыл. Знать, так и нам нужно поступать.

Так вот с тех пор все и пошло. И хоронили далее только так от богатого до смерда простого.

К христианству то отношения не имеет. У русских всегда было свое божье отражение в лице своих княжеских и других семей, которые для всех богом и представляли.

Прежде чем умереть, Ольга много бед еще натворила.

Распустила слух она о том, что Куря голову сыну ее отсек и из нее кубок для питья сделал. Чуть позже дала клич продвигаться в стороны разные, дабы границы Руси расширить.

Переселялись люди почти насильно и вглубь степей, лесов и т.д. уходили. Оттого и появились потом вятичи, радимичи и другие группы. Все то были русские из состава вышеописанных трех групп, которые первоначально здесь и обосновались.

Вятичи, то есть люди по реке Вять, что обозначало болото, вязкость, вниз опускались, а кто и вверх по ней поднимался. В общем, в разные стороны, чтоб границы перенести далее.

Радимичи, то есть группа людей, что мечами загонялась на земли новые, ниспосланные княгиней ратно.

Добрыня тот ими командовал. Так вот и распространялись группы-племена далее и значительно увеличивали территорию Руси.

И, конечно, половцев-печенегов изгоняли далее, если они там были, а также сооружали границы новые валами из древа, земли состоящие. Но и это еще не все.

Окромя хазар тех, что никто сроду не видывал, а только говорилось так, печенегов-половцев имея в виду, создала княгиня великое новое племя, имя которому варяги. Это были самые последние переселенцы при ее жизни.

Надо отметить, что Ольга начала так действовать гораздо раньше того, как Святослав погиб, чем стычки и участились, и тот же Куря по этому поводу поговорить хотел.

Так вот, их именовали варягами за то, что они за землю свою хватались и всяк с собой хотели кусочек ее унести.

От того и прозвали так – варяги. От слова воры, которое звучало тогда примерно так. Хотели землю унести с собой нашу – так и говорили те, кто оставался пока на этих землях, сами того не понимая, что вскоре также "ворьягами" станут и волю ту исполнят.

Так вот и повелось на Руси, что за землю ту хватаются и всяк готов увезти ее с собой, пусть даже в могилу.

От того и другая традиция пошла. Всякий русский в землю свою зубами цепляется или говорят "ешь землю, она твоя... и т.д."

Все это из тех времен происходит. Так вот и произошло деление тех групп еще на подгруппы и еще более.

Людей ведь по группам переселяли. Но, думаю, то ведомо всем. Не так уж давно так же происходило. Все то – продукт ума и жизни времени прошлого.

Думаю, теперь, объяснять не надобно, что варяги те, скандинавы значит, и есть русские и вовсе не случайно они в царственные крови попали.

Все это, как говорят, узы одного брака. Только природа за тысячелетие немного поправила их лик, да еще близость других групп или родов. Кровосмешение потом произошло и в сторону те группы отошли от Руси.

Надеюсь также, что теперь понятно и то, почему восстало из небытия такое государство, как СССР. Примерно оно подтверждало то старое время и опять же в уме руководства отобразилось.

То есть, попытки присоединения, как раз и есть дух того времени, сказавшийся уже на этих людях. Но об этом потом, а сейчас продолжим...

Прежде, чем рассказать историю Владимира, нужно немного просветить себя с другой стороны. Воротиться немного назад и рассказать о группе той, что потом Орду Золотую образовала.

Ко времени смерти самого первого киевского князя, Кия значит, в той группе раскол своеобразный произошел.

Часть одна удалилась восвояси, то есть пошла к берегам Средиземного моря, которое тогда Савраасовым именовалось. Там она осела и образовала тюркскую группу. От слова "тюр", что значит юрта, намет такой, из кож сделанный. Она и явилась основой для образования, так обозначенной, Османской империи.

Но вначале состоялось турецкое государство под правлением падишаха /потому что, пред вождем все падали ниц в соответствии с законами Египта. Дополнительное "шах" явилось надежным исполнением чисто в русском оригинале. Словом, "шах" на пол или на землю и все тут, и глаза больше никуда не смотрят. Голова либо цела, либо нет ее, когда глаза те хотели что-то усмотреть. Но об этом отдельный разговор и когда дойдет черед, тогда и расскажем/.

Наряду с этим, оставшиеся или пересекшие Уральскую гряду камней /то бишь, горы/ – осели сразу за ними, лишь немного опустившись к югу.

Там они приспособились к ловле диких животных, которых сейчас лошадьми Пржевальского именуют, и вскоре, как говорят, все с мала до велика сели на коней.

Обозначили также свои границы, построив из камней не очень большие валы-укрепления. Состоялись и свои каганы, то есть князья, но назывались они по-другому.

По большей части язык изменился от частого общения с настоящими монголами, а точнее китайцами в том древнем исполнении. Жили они дружно с тем народом или огромным племенем. Но чем-то навредили себе именно из-за этого.

Некоторые вошли в связи межродовые и образовали, так называемую, переходную китайско-русскую группу, которая попозже обозначилась как могольская из-за слова «могол», брошенного одним русским радомичем, что обозначало буквально следующее.

Мо – то есть, может ты; гол – голоден в смысле одежд; буквально – раздет.

То есть, налицо созвучие или сокращенное глотание окончаний слов с их суффиксами и т.д.

Вылетевшее слово из уст простого человека, к которому приблизился другой из состава того же рода, но отошедшего ранее, стало, как говорят, выражением истинно народной мудрости.

А произошло так потому, что моголы и взаправду были слабо одеты. Единственная гордость – это тюбетейка от солнца, сделанная из ткани. Все остальное – производство кожи из тех самых животных. Так вот и пошло потом среди людей.

– Да, это моголы прошли и ничего не оставили, – говорили люди, ссылаясь на то, что якобы им отдали свое последнее богатство, желая показать свою доброту русскую. Но об ней будет еще разговор дальше, а пока вернемся обратно.

Итак, совершенно очевидно, что на том древнем земном поприще по признаку территорий сформировались две группы, если не учитывать самих китайцев, обозначенных одним родом.

То есть, жили русские в составах своих групп поселений, и жили уже вновь созданные группы "моголов". Но пока разделения их не происходило по занимаемым территориям.

Только китайцы начали возводить знаменитую китайскую стену по принципу того же Египетского государства.

Вождей этих немногочисленных групп именовали ордынскими князьями. Или словом хан, которое обозначало не что иное, как русское "хам". Рассмотрим это слово более подробно.

В те далекие времена есть особо было нечего. Мало кто занимался земледелием, и в большинстве своем люди добывали пищу из водоемов или из состава того, что их окружало, то есть питались мясом животных, ели насекомых и всякое другое. В общем, все то, что могло попасть в поле зрения и было не особо противно.

Так вот, с самого начала ухода этого общего рода русских из Египта наступил невыносимый голод. Людей много, кормить особо нечем. Добывали по дороге все, что могли. Порой стоянки затягивались на долгие месяцы, потому что нужно было собрать необходимое количество продуктов для пути. Все собранное или убитое, выловленное свозилось в одно место, где был главный или кладовщик. И именно его тогда прозывали этим словом.

За что? Подумайте сами. Но все же скажем и это. За то, что тот человек имел ко всему доступ и, как это принято говорить, пользовался своим положением.

Люди кланчили у него хоть кусочек чего-нибудь, но тот стоял на своем, так как охранял общее и в то же время мог заставить любого сделать то, что ему необходимо.

В общем, был он по-своему богат и, конечно же, много ел на виду у других бедолаг. От того и пошло слово "хам", то есть это процесс еды с сочетанием необычной наглости.

Люди так и обзывали этого человека. Конечно, он старался перед своими начальниками и потому его никто не убирал с той великолепной должности. Так что, эти традиции возникли вовсе не случайно, а добыты жизнями во время прошлых походов.

Подобное было и у ордынских князей. С самого начала их удаления стало плохо с едой и одеждой. Конечно, лучшее, что добывалось, несло вождю. И, естественно, он также пользовался некоторым приоритетом в этом отношении. Но вождя хамом назвать было нельзя.

И тут, как всегда, сработала народная мудрость. Кто-то придумал слово "хан". Оно вроде бы и не оскорбляло достоинства, но в то же время относило человека к своеобразному социальному положению того времени.

Конечно, этому поспособствовали и те, кто состоял в роду другом, то есть китайцы. Подчиняясь какому-либо своему начальнику, они непременно произносили какое-то слово, чем-то сходное с тем, что уже русские знали. Исходя из этих двух обстоятельств, и появилось слово "хан".

Вождем оно понравилось и вскоре составило свое элитарное значение. Не было также вначале и слова "орда".

Так стали называться отдельно уходящие группы из состава перемешавшихся, а также просто отделившихся семей, пожелавших вести не кочевой, а оседлый образ жизни.

Слово произошло из сходного того же русского «ордын», то есть один. Так оно и устоялось за года таких уходов и выражало всегда какую-то отдельно стоящую группу людей.

На базе чисто бытовых разногласий в плане той же еды и т.д. вглубь лесов или тайги начали уходить отдельные семьи, точнее только состоявшиеся браки.

На время указанного периода их количество составляло 30 единиц. То есть, это была основа всем тем, кто попозже стал именоваться русскими сибиряками и образовал группу староведческого вероисполнения.

Возможно, в этом процессе сыграла особую роль внешность этих людей. Как уже было оговорено, люди рождались разные по цвету. Одни светлые и белокожие, другие – темно-коричнево-желтые.

Возможно, сама молекула крови возоблала над их сознанием. То есть, природа развела в стороны этих людей. Но, так или иначе, это состоялось.

И к моменту гибели Святослава таких ушедших семей было около 300. То есть, количество увеличилось ровно в десять раз.

Конечно, у них рождались дети, и общее число их росло. Как правило, в таких семьях сочетались браком родные. Ну, к примеру, брат и сестра, а могло быть отец и дочь или сын и мать вновь.

Так было действительно. Чуть позже, когда таких стало больше, они начали между собой образовывать новые связи. Никто, конечно, не смотрел ни на красоту, ни на что-то еще. Важно было иметь только потомство. И если кто-то не мог сотворить этого по ряду причин, то, как правило, вступал закон такого же родства, то есть воспроизводилось предыдущее указанное.

Никто, конечно, не задумывался о том, что это может сказаться в дальнейшем, передаваясь генетически по уму к самому телу.

И Бог в том вопросе помешать не мог. Точнее, ему было то не под силу. Не опускаться же на Землю ради этих людей, тем более что надальше они все-таки образовали свои селения и по большей части разнороднились.

Так вот и состоялись настоящие сибиряки русские. Что же относительно других народностей, которые входят в состав России уже сейчас, то их возникновение является практически тем же процессом только от состава дополнительных кровосмешений различных родовых начал.

Надо отметить, что в силу возникновения войн и общего раздора такие процессы усилились, и люди само собой распространились везде, как бы убегая от той кровавой цивилизации.

Ну, а кто куда прибил, это уже ясно сейчас. Хотя некоторых также насильно переселяли уже в чуть позжие годы, но об этом скажем далее.

Ордынские группы развивались и распространялись. Кто уходил севернее, кто южнее, кто на восток, кто к западу ближе и к югу опускаясь.

Так начала образовываться ханская империя, в итоге выразившаяся в государство под наименованием Золотая Орда.

Не будем проследивать ход развития всех групп людей или орд, а остановимся на одной из них, которая явилась основозачинателем этого большого ордынского ханства.

Одна из групп прозывалась Тазымской. От слова «тазым», что значит холода, зима и в целом ооченение. Так же прозывалась и река, где орда та проживала. В общем, это была группа практически оседлых кочевников.

Что это обозначает? Дело в том, что ордынцы не занимались земледелием. Потому, как правило, все мужчины уходили на поиски зверя, а женщины пока добывали рыбу и варили "юху", что обозначало "юш" – значит, жидкость по старорусскому.

Чуть позже это блюдо было перенесено на саму Русь и сказалоь как "уха". Так получилось потому, что человек, впервые познавший это блюдо, был глуховат. И все время показывал на ухо, объясняя суть приготовления другим.

Так оно и закрепилось, как сочетание уха с самим блюдом. Вообще, в русской самопроизвольной речи таких вот переносов очень много. Оттого сейчас многое просто понято неправильно или не до конца, что, конечно же, не дает формировать общее мнение по какому-либо существу вопроса.

Так вот, эта группа или орда находилась на севере той территории Сибири. Вскоре она покинула те места и двинулась на юг, по дороге присоединяя к себе каких-либо малочисленных беженцев. Надо сказать, что время такого передвижения совпало с наступлением очередных холодов.

Орда к этому подготовилась и запаслась своим провиантом, не забывая, конечно, добывать и пополнять то же на ходу своего спуска на юг, где, как им думалось, должно было быть теплее.

Но холода настаивали на своем. По дороге им встречались люди такого же или сходного происхождения и пополняли их группу. Надо отдать должное тому вождю и самим людям.

Если бы они поступали иначе, то многие уже настоящие сибиряки, алтайцы и т.д. просто не состоялись бы. Часто жалея таких вот пришлых, вождь отправлял в обоз колонны, где их кормили и обогревали шкурами, а также небольшим костром, разведенным прямо на телеге, которую принято называть «бричкой».

Само слово "бричка" произошло от слова "бричать", что значит тянуть, подталкивать. От этого уже потом произошло брыкаться, синоним толкаться и т.п. Но тогда в силу вновь переформированных русских корней слов то же самое звучало, как "тлеж".

То есть, по ходу движения над бричкой, а она именно так и называлась вначале самими ордынцами, развевался дым, что обозначался именно словом "тлеж".

Так и говорили тогда: "На тлеже...". От этого и произошло русское – «телега». И все по тем же причинам исконно народной мудрости.

Вообще, в истоках русскоязычия пролегает традиция изменения состава коренных слов, как говорят, до безобразия.

Среди самих русских это принято называть "как душе угодно". А если понять, что душа – то есть ум, то, соответственно, можно и вывод сделать о его состоянии. Но это так, к слову, как говорят.

Вы можете не поверить, но уже тогда ордынцы знали такое понятие, как "печь-буржуйка".

Из небольших камней, найденных на берегу частей белой глины и песка, они сооружали прямоходные печи, трубы которых возвышались над кожаным наметом. В днище телеги было сделано отверстие, чтоб вниз падали прогоревшие части угля, смешанного с конским навозом или дерева с тем же, потому как уголь был под рукой только в некоторых местах.

Обоз шел всегда позади, так как недогоревшие угли могли обжечь ноги лошадей, тянувших телеги.

Кстати, первая подкова появилась именно от этого, а не от скольжения или исконно русской зимы. Кочевники очень ценили лошадей, ибо для них они были, как сама жизнь.

Шкуры стягивали только с уже старых или доходящих, как это принято говорить. И речи быть не могло зарезать молодую лошадь и особо кобылу. За это попросту существовала смертная казнь, признанная всеми ордынцами без исключения.

Такое искажение уже в настоящее время – это дань русской народной мудрости. Именно оседлые русские из состава полян, горян, радимичей и др. приспособили этих животных в еду.

Для настоящих кочевников лошадь – священное животное. Оно так и обозначилось в самой истории. К этим же можно отнести и половцев-печенегов, которые могли съесть старую лошадь, отходившую свой срок. Но молодую, здоровую – никогда.

Были и другие особенности того переезда, состоявшегося в преддверии вступления в княжескую должность вышеозначенного Святослава. То есть, когда только Ольга править начала.

Так в том же обозе, который, кстати, так и обозначался от сходных по составу созвучий "об" и озь", что, соответственно, значило – в стороне, вдали, позади и т.п., всякое тянущееся по земле или о землю.

Применительно к движению образовалось слово "ось", "воз^П" и "навоз" от объединенного состава того, что везли на телегах и самой езды.

Звучало оно, как ^Ннавозь^Н от того еще, что за телегами позади шли люди и собирали конский помет, а затем ложили его на те телеги, где имелись печи. Так вот все это и устоялось в речи русско-нерусской, ибо, что ни говори, а большинство слов другого происхождения.

Кстати, так же оно и сейчас.

Так вот. Позади того обоза на таких же телегах располагались клетки из жердей, палок, а то и просто лохматых веток елей или другого. В них находились куры. Точнее, не сами куры, а схожие на них фазаны, куропатки и тетерева. Кормили их тем же конским навозом, а также частью рыбных потрохов, разными, вручную собранными семенами из шишек, желудями. Грибы сушили и давали или просто из травы любой семена сеяли и собирали в горсть. От того и пошло это слово, синонимизирующееся с выражением «...возьму горсточку и брошу птице...». Так оно и было.

В местах же, ранее описанных, кур не было за очень редким исключением древлянских городов или поселков от слова переселение, поселение.

Птицы те яйца несли и содержали их в таких же теплых повозках, клетки кожей обтягивая и печи устанавливая. Были с ними и кошки, взятые также из тайги. Правда, и их нельзя назвать теми, что сейчас. Скорее, тот вид к рыси маленькой относился.

Кошки выведены были уже позже, как особые породы. Тогда же, довольствовались тем, что было. По большей части, они сами приставали, довольствуясь тем, что бросали люди на своих привалах.

Так они и шли вслед за ордой. Ну, а дальше с людьми свыкались и приживались. Носили те кошки людям мышей, да других мелких грызунов в знак своей кошачьей доброты. И люди ели то, что они не ели, а как награда поглаживали их по шерсти. Кто против гладил – того они кусали, в лес убегая до некоторого времени.

Так оно и повелось потом среди людей русских и тех, кто позже моголами, сибиряками и другими стал.

Кроме того, были зайцы, чуть позже в кролики переименованные. Крок за кроком они подбирались к какой людской еде, брошенной ими на съедение в зиму какую. Оттого и назвали их так. А еще потому это состоялось, что на зверьках тех шерсть облазила и цвет на глазах меняла. Так оно и соединилось. Крок и лик, то есть вид, лицо и т.д.

В Европе то по-другому обозначилось. Потому, это к тому отношения не имеет. Пока говорим только о русской крови во всех ее ликах странствий больших обозначенной.

И самое удивительное, что у тех кочевников-ордынцев было – это живая рыба, в зиму какую из полони добытая. Вырубали своими мечами, которые, кстати, вначале были точно такими, как и у русичей других, во льду рек или просто "остова" /то есть, стоячей воды/.

От этого произошло потом украинское "ставок", а также русское остов, остыв, остудить, что значит успокоить и т.д. /небольшие луны, от слова "луна", которое было известно еще со времен Египта/

Потом рыбу подходящую руками ловили и на лед складывали. Мороз схватывал ее и образовывал нечто подобие круга вокруг луны прорубленной. Получалось, что луна та, как будто в полоне – плену значит. От того и называли так – полонь. А позже уже русичи коренные добавили свое "о" и вставили букву "ы", везде по-разному, но сходно называлось.

Само слово "полон" /плен/ образовалось от двух исконно русских слов – "пол" и "он". Чтобы понять это сочетание надо рассказать целую историю, на которую времени нет. Потому, пока ограничимся тем, что означено.

Так вот. Рыбу, добытую из полони в мороз, складывали в одном месте. А в более теплую погоду сооружали аквариум из больших шкур животных, в которые и бросали все пойманное.

Летом же ее просто вялили или сушили на солнце. Так продвигалась та орда на юг несколько лет и по дороге много к ней других прибилось.

Хан вел впереди свою группу, восседая на лошади, а за ним двигалась основная часть мужского населения. Все были вооружены мечами, луками и стрелами.

Из толстых кривых деревянных обрубков делали они себе колчаны.

Вырубали внутри теми же мечами и небольшими ножами дерево и получалось место для хранения стрел.

Своего рода, это было искусство, так как требовало огромных усилий. Не всякое дерево еще поддавалось тому и по большей части искали липу или вяз. Но таких деревьев было мало, и сделанный колчан ценился на вес золота в прямом смысле.

Был он изогнут по-своему и примерно к тому выражению искали всегда такую же часть дерева. Бывало, что срубали все дерево для того, чтобы добраться до такого места и сделать из него необходимый колчан.

В чем был секрет такого изобретения?

Дело в том, что стрелы пред тем, как положить в колчан обильно смазывали лошадиным пометом, а точнее, как бы пропаривали стрелу в этом и быстро вкладывали в колчан. Сверху чем-то прикрывали, чтобы было внутри теплее. К тому же, сами колчаны привязывались к голому телу. То есть, это была часть одежды тех людей.

Так вот, все эти вспаренные стрелы внутри колчана создавали свою температуру, которая как бы постоянно поддерживалась температурой тела.

Полусогнутое состояние и эта температура создавали условия для своеобразной вытяжки стрелы. Когда же это нужно было использовать, воин быстро доставал ее из колчана, целился и выпускал в нужном направлении. Стрела за время полета как бы стягивалась, практически мгновенно втягивая в себя состав среды окружения, то есть воздуха и его температуры и, вонзаясь куда-либо, создавала упорную силу или дополнительную силу, что, конечно же, не давало возможности дичи ускользнуть от стрельца. Стрела буквально сбивала ее с ног. Такова была роль полуизогнутого колчана.

Используя ту же суть, многие народы уже позже придумали кривую саблю, думая, что это придаст ту же силу.

Но, как вы понимаете, аэродинамика своеобразно образующейся воздушной трубы от полета почти согнутой стрелы не могла выразиться на простом мече в том же исполнении.

Поняв это, уже позже, многие вернулись вновь к предыдущему исполнению, но все же, отдав дань времени и "технологии прогресса" изобрели новые виды: палаш, сабля, шпага /как стрела/ и т.д.

Надо сказать, что у коренных групп колчанов не было. Они появились гораздо позже благодаря, так называемому, монголо-татарскому игу.

Стрелы тех русичей были просто заткнуты за пояс или их держали в руке, как пучок соломенных стеблей.

Потому-то у русских были отдельные люди-лучники и по тому же принципу велись бои. Правда, за поясом или к поясу привязывались и мечи. Но, как правило, лучники занимались только своим делом.

Этим же объяснялось и то, что русичи вели бой на расстоянии. То есть, вначале осыпали стрелами, а затем с "голыми" руками шли в бой. Но так, кстати, случалось редко, по причине, указанной ранее.

К тому же можно отнести и многие поражения от, так названных, монголо-татар.

Загоревшие и сузившиеся в глазах русичи в своих колчанах всегда имели запас стрел и потому в любую минуту могли ими воспользоваться, чего не окажешь о других русичах.

Попозже, уже когда состоялось первое "знакомство", и они начали создавать свои колчаны, которые называли просто колчи или "колча" в единственном числе.

Как видите, и здесь постарались помудрствовать. Но в силу "незагорелого" русского прагматизма, эти колчи состоялись в прямом виде, да так и сохранились до времен настоящих. То есть, никто не понял того назначения, что было.

"Загорелая" же часть русских о том не говорила, желая сохранить тайну у себя. Правда, наблюдая, как складывают свои стрелы моголы в колчан, они пытались отобразить то же, чтоб

получить хороший удар стрелы, но все же не сообразили, что секрет лежит в исполнении самого колчана и в целом, всех составляющих его температурный режим.

Вдоволь повозившись в навозе, какой-либо "новый" русский пытался отобразить то же, что и загорелый собрат или могол, но из этого ничего не получалось.

Стрела падала, не долетев какой-то выбранной цели, в то время, как другая, пущенная моголом, того достигала.

Махал русский на то рукой и говорил так:

Пустая затея. Духом мы больше сильны. А стрела падает от того, что дух тот побеждает ее на пути. Вот так-то, мякиш, – обращался тот же к моголу из-за того, что, как правило, у тех были плохие зубы из-за недостатка витамин и другого, и потому им приходилось есть хлебный мякиш, а не корку, как то делали другие русские с более крепкими зубами.

– О-о, знаю, великий брат, – говорил могол чисто по-русски, так как язык сохраняли в корнях своих, – что то за дух такой. Разносится он аж до меня самого, когда стрелу, пыхтя, пускаешь, – и при этом, конечно же, начинал смеяться, зная от чего тот дух происходит.

– Чтоб ты издох, – отвечал тот русский, – ржешь, как твой конь. Сразу видно, что голытьба идет. Слух по земле катится от копыт ваших...

Ну и так далее. Разговоров таких было достаточно, и в них по ходу будем еще разбираться.

А пока вернемся в очередной раз к тому времени и закончим обзор колчанов.

Как и было сказано, такой предмет или составная часть одежды могола, ценился на вес золота. Но, конечно же, его не продавали, ибо это означало одновременно продать свою жизнь. Потеря обозначала почти то же, а заодно и стыд. Утерявшего изгоняли из мужского состава орды и определяли к женщинам.

Когда тот чрез время восстанавливал утраченное, то

вновь становился мужчиной. Но была в этом и плохая сторона.

Многие не выдерживали такого жестокого обращения и убегали по ночам вглубь территорий. Их не искали, но когда кто-либо возвращался обратно, то орда либо казнила, либо прогоняла вновь. В общем, это было позором.

Кстати, такая же участь ждала за утерю меча или небольшого копья, сделанного наполовину из грубо отесанного камня-металла и деревянной палки.

Именно оттуда произошло слово "древко" от сокращения "древо-камень". Чуть позже оно другими русскими было обозначено, как древко.

В общем, за утерю оружия было наказание общим позором. Естественно, все означенные предметы терялись мало и, конечно же, делая из них своеобразную эгиду мужской славы, их разукрашивали каким-либо драгоценным камнем, золотом, серебром или просто изображали какой-либо рельеф-рисунок.

Особенно это касалось колчанов, и деревянных частей недлинных копий. Кстати, копьё так обозначилось на Руси потому, что с помощью длинных жердей палок люди проходили вязь и буквально копали почву, боясь утонуть там. Порою, с их помощью что-то искали, а иногда, ловили и накалывали рыбу. В общем, свыкшиеся с мыслью копать, люди так и называли "копье" от того же процесса работы.

Потому, в русских землях и были длинные копья в отличие от других таких же людей. Практически так же использовали их и моголы, но кочевая жизнь значительно сократила длину того самого копья.

Бывало всадник засыпал на ходу, а копьё, угодив в землю, врезалось в человека или ударило в кого другого. Потому, они были покороче и легче.

Кроме этого, те же воины их использовали, бросая в животных, а чуть позже и в людей при схватках, завязывающихся в основном из-за недоразумений, о которых также будет пове­дано.

В связи с указанными ранее побегами из состава орд тех, кто терял что-либо из оружия или просто чем-то оскорбил кого-либо из соплеменников, начали образовываться первые одиночки "скифского" происхождения.

То есть те, кто убежал и заведомо знал, что возвращаться ему некуда, шел на запад или юго-запад в поисках других земель и других людей. Вскоре по разным причинам таких стало больше и они, порою встречаясь, начали образовывать скифские группы.

Все они до самой последней поры существования были малочисленны. Примерно в пределах двадцати-тридцати человек. Это самые большие группы. Были, конечно, и одиночки.

Само слово "скиф" было собрано людьми того времени, пережившими многие разбойные нападения со стороны этих групп.

"Ски" – буквально обозначало сколько. "Ф" – это выразительная приставка, обозначающая какое-либо чувство человека или людей. То есть, могли сказать:

"фу, ушли" или "фу, как от него воняет", ну и так далее. Чаще употребляли это слово как "скифу", сочетая одно с другим.

В процессе истории и любви людей ко всякого рода сокращениям, получилось "скиф", да так и закрепилось.

Скифы начали появляться в той Руси в начале правления князя Святослава. Но тогда их было совсем мало и в целом, это были одиночки. Как правило, они просто избегали всяких встреч, довольствуясь тем, что останется от половецких стоянок или просто, тихо воруя что-либо у русичей. Одевались они примерно так же, как половцы и из-за этого их часто путали именно с ними.

Потому, какое-либо воровство или убийство относилось к этим племенам. Сами половцы об этом не знали вначале и познакомились со своими родственниками уже значительно позже.

Но такие знакомства заканчивались плачевно для скифов, так как половцы, затем узнав от русских о набегах, начали их уничтожать, чтоб не было лишних неприятностей.

Оружие и многое другое скифы брали на местах боев. Русские, как правило, свое оружие ценили мало, если оно было обычным, то есть не разукрашенным.

Порою, одевались они так же, как русские, да так и погибали: кто, где в разных местах. И те же половцы их хоронили, желая отдать дань усопшему. Ложили, конечно, и оружие. и всякие другие премудрости той жизни.

Попадались даже скифы с кривыми колчанами, если их удавалось во время побега захватить с собой. Кстати, колчаны те, о которых так много говорили, чуть позже стали делаться по-другому.

Это было рогаткообразное сооружение для стрел. Так сделано было только затем, чтобы в него вместить побольше стрел. Иногда туда же втыкали и недлинные наконечники копий, делая их про запас.

Но в результате такого совмещения стрелы теряли свою упорность или убойность, и вскоре от этого отказались, и хранили только сами стрелы.

Соответственно, изменялся вид дерева, так как сделать такое было уже труднее. Начали использовать дуб, ясен, осокорь и другие виды того же. В общем, что были покрепче.

Правда, вместе с этим пришлось перейти на другой подготовительный процесс. Стрелы начали вначале пропитывать составом березового сока, а затем выпаривать, а после складывать.

Сам колчан пропитывался время от времени тем же составом сока и стрелы не теряли свою силу. Еще использовали мед в том же соку и им же выкипячивали свои колчаны.

В общем, это был трудоемкий процесс и в связи с переходом на новый вид вооружения победы несколько сократились.

Все ордынцы занялись новым изготовлением. Старые же сложили на своих телегах и продолжали возить за собой. Или в некоторых случаях использовали для хранения чего-то другого, а иногда и тех же стрел.

От того и пошло, что когда моголы шли в бой, то от стрел было неба не видно.

Но так происходило не из-за численности воинов, а из-за запаса стрел, которые, кстати, после боя собирали, порою вынимая их из тел мертвых, чего русичи никогда не делали.

Это вошло в своеобразное недоразумение между русскими и далее также будет о том сказано. Но вернемся к скифам.

Что еще осталось не указано?

Как и говорилось, многие из них хоронились половцами. Иногда, в ту же могилу ложили умерших или погибших половецких воинов, людей и даже князей.

Потому, вскрытые могилы не говорят о том, что скифы были богатыми или составляли рода. Нет, этого не было. В целом, они были одиночками мужчинами. За всю историю ни одной женщины не убежало и не стало "скифом".

То были половецкие или русские женщины, которых бывало те же скифы воровали и возили за собой на привязи, чтоб не сбежали. Кому из них везло, то есть скифа или группу их уничтожали, то таких отпускали домой или возвращали в племена. Но так было редко. В основном скифы, не желая долго тяготить себя этим, попросту убивали их и иногда даже ели человеческое мясо.

Так было и, как говорят, от этого никуда не деться.

В общем, скиф по тому времени – это был дикий русскоязычный могол, хотя были и выражения истинных русичей, то есть белых и светловолосых лишь больше загорелых и чуть-чуть с заушенными глазами, хотя бывало и без того.

Часто под этой маской скифа скрывались и истинно русские разбойники, которые в силу своих познаний местности приносили больше вреда людям, нежели сами скифы. В общем, во все времена люди и особо те, кто представлял угрозу, всегда маскировались под кого-то, дабы скрыть свою истинность и остаться безнаказанно не узнанным.

Ну вот, наверное, и все, что можно сказать по скифам. Остается только добавить, что последний из них, по-настоящему скиф, исчез во времена первых русских царей.

В общем, существование в целом, как какой-то группы необъединенных людей, продлилось около 170 лет.

Скифы исчезли ранее ухода, так обозначенного, монголо-татарского ига, так как то же "иго" их уничтожало, ибо знало, кто это и почему здесь.

Но возвратимся вновь назад и обоснуем продвижение вниз к югу, так обозначенной, Тазымской орды.

Спустя полуторагодовой период эта часть русскоязычного населения, вперемешку с основополагающим китайским, той Сибири подошла вплотную к устью реки Сырдарья и на некоторое время осела, пополняя свой родовой состав и довольствуясь тем, что давала природа.

Места тех древних стоянок до сих пор хранятся под корой пригрунтовой структуры земли. Только редкие находки свидетельствуют о том, что когда-то в тех районах проходила какая-то кочевая жизнь.

Но реально дело обстояло несколько иначе. Пополнив свой состав, орда принялась за истинно русское хозяйствование.

Говоря проще, она осела и занялась своеобразным видом земледелия, животноводства и даже части ремесленничества.

В общем, занялась вполне обоснованной бытовой деятельностью. Все походные колонны были расставлены по кругу и образовали зону проживания. Отчасти, это можно сравнить с расположением цыганского табора на длительное время пребывания.

В основе своей люди довольствовались дарами устья реки, а чуть позже и моря. Вначале этого никто не знал. Думали, что это просто река расширяет свои воды и течет дальше.

Сведения о море появились гораздо позже, когда отдельные группы охотников уходили делать запасы и со всех сторон огибали эту водную гладь.

На своих лошадях они забирались в самые дальние районы, а возвращаясь, составляли общую картину своей местности.

Спустя сорок шесть лет с того самого первого дня оседлости, орда обозначила свои первые границы.

Заняв территориально больше местности, люди начали поселяться в небольших домах, сделанных из слабо сохраняющегося кирпича в виде глины вперемешку с навозом и остатками каменного угля.

Такие дома очень редко распадались, так как дождей было не особо много и в особенности того времени было укрывать дом сверху кожей тех самых животных, которых к этому времени размножилось предостаточно.

Тогда же были обоснованы первые, искусственно произведенные табуны лошадей, тайна которых сохранилась до сей поры.

Территория поселения окружалась сооруженным глиняно-земляным валом, очень небольшим по высоте, в пору каждой лошади его можно было перепрыгнуть. Так начала зарождаться вековая традиция по соревнованиям на лошадях и, в частности, по преодолению барьера.

Заметив, что лошадям не составляет особого труда перепрыгнуть тот наспех сооруженный вал, люди придумали частокол.

В земляную глиняную насыпь втискивали колья или же деревянные части, а иногда просто втискивали и полностью с наконечниками вверх.

Так образовался первый частокол и таким же он передался людям по ту сторону складчатой местности, то есть "настоящим" русичам, потому как в дальнейшем, распространяясь на запад и северо-запад, ордынцы делали то же, тем самым давая понять всем о своей территории.

Только вал больше не сооружали, а просто тыкали копы в землю так часто, чтобы не пробежала лошадь. Другие, наблюдая это, делали надальше то же самое.

Только, конечно, уже по-своему в силу того самого дерева, что окружало. Конечно, частокол был еще и удобным для ведения каких-то боевых действий. Он был, как некоторое ограждение от стрел.

Уже затем моголы вскакивали на лошадей и на ходу, вырывая копы из земли, бросались с ними на тех, кто напал.

Чуть позже уже русские лучники приспособились к такому положению и всячески пытались попасть между этих копий.

Но те же моголы вышли из этого положения очень быстро, приспособив к этим же копиям всякую ветхую траву. Таким образом, получалась какая-то стена или маскировочная сеть ограждения, которая не давала возможности вести прицельно точную стрельбу.

На основе всего этого и образовались, так называемые, игры народностей и, вообще, вековые традиции, по роду переходящие.

Спустя еще десять лет та же орда значительно расширила свои территории, а вновь добытые знания дали возможность очень четко обозначить свои границы.

На общем сходе всей орды, которая насчитывала тогда около пяти тысяч человек, было решено перебраться на другой берег реки Сырдарья /которая, кстати, так именовалась потому,

что давала "сыр" людям, то есть влагу по тому времени/ и занять территорию от ее устья до устья следующей реки.

Таким образом, орда занимала свою оборонительную в случае чего линию и частично спасала себя от засушливых климатических условий.

Там же было принято решение о создании целой сети водоканалов и орошения этих земель для ведения дополнительного земледелия. Переход через реку осуществлялся на лошадях и на тлежах, используемых вместо плотов.

Справедливости ради, надо отметить, что многие участники того перехода оказались на дне реки, так как зачастую падали в воду с лошадей и не умели хорошо плавать.

Но все же, орда переселилась, предварительно разрушив тот земляной вал и свои жилища. Так было сделано для того, чтобы не оставалось следов пребывания и жить по возможности без соседей, так как природа мало давала пропитания и могла сохранить только одних.

Отойдя несколько дальше от реки и поднявшись вверх по течению, орда вновь осела, образуя сразу несколько отдельных групп, расселяющихся по всей территории от одной реки до другой.

Конечно, крайним было проще, средним же посложнее, так как вода была далеко. Но тут неожиданно помог случай.

Удалившись от своей группы несколько охотников через время остались без воды. Силы иссякали и впору было рыть общую для всех могилу, чем они и занялись.

Памятуя о том, что сверху тело должно быть чем-то прикрыто, люди начали искать камни. В одном месте их было чуть больше, чем обычно.

Охотники принялись их извлекать и по очереди переносить к тому месту, где решили выкопать могилу.

Но вот, чудо! Из-под какого-то камня потекла тоненькой струйкой вода, и охотник даже не поверил в это. Но, протерев глаза, он убедился в том же и даже попробовал на вкус.

Вода была несколько необычной для них, но все же то была вода.

Человек быстро позвал остальных, и вскоре они раскопали эту часть земли глубже. Струйка потекла сильнее и создала небольшую лужу. Люди снова заработали, и вскоре их труд увенчался успехом.

Они получили хорошую порцию воды и тем самым спасли свои жизни и жизни изнемогающих животных.

Чуть позже этот первый колодец был расширен, углублен и со всех сторон обложен камнем для того, чтобы ветром не заносило песок, а заодно его было видно издалека.

Таким вот образом была обнаружена вода вне досягаемости рек или каких-то пресно-соленых озер.

Вскоре такие колодцы были обнаружены на других участках и непосредственно возле них поселились разделенные ордой группы людей.

Спустя какое-то время жизнь преобразовалась. Вновь соорудили дома, только уже не из глины, а из желтоватого песка вперемешку с тем же конским пометом и со всем, что, как говорят, попадалось под руку. Иногда в эти сложения попадали сучья деревьев или останки копий и т.п. Они выходили за пределы стены и довольно часто мешали суетливым моголам.

Вначале их обрубали, но затем в процессе следующих застроек, начали вкладывать специально в какие-то угловые, ничем не занятые места и на них, как правило, что-либо вешали.

Иногда это даже был меч или чуть позже кривая сабля, щит или тот же колчан. Так в традицию этих народов вошло то, что сейчас именуется хранением семейных или других реликвий в виде какого-то вооружения.

Чуть позже это же начали приспособливать и под другие вещи, в том числе и одежду. Именно оттуда с этих чисто жизненных условий и появились первые вешалки.

Располагаясь где-либо в походе на отдых, могол непременно вколачивал свое копьё в землю, а на него вешал драгоценную до сей поры тибетейку. Так было принято среди них, и так оно дошло до наших времен. Правда, конечно, уже с некоторыми видоизменениями и дополнениями.

Орда пополняла свой родовой состав. Численность людей достигала уровня восьми тысяч человек. Кормить всех было очень тяжело, даже несмотря на то, что было много скота и рыбы в реках. По морю тогда никто из них не ходил, да и боялись они этого сильно, видимо памятуя о далеких временах Египта и об опасности воды.

В самой орде обозначились перемены во власти. Так как хану, избранному всеми, уже было не под силу контролировать удалившиеся группы, то было решено дополнительно избрать в них своих ханов.

Правда, именовались они по-другому, так как жили чуточку скромнее и, естественно, были в ранге ниже.

Их назвали аксами, то есть словом "акс", что обозначало – один главный. Чуть позже к этому названию присоединилось и другое, обозначенное, как "кал", что в свою очередь, значило "много" от количества прожитых лет.

В целом, первоначально это звучало как "акс-кал" и уже гораздо позже, путем переноса с одних групп в другие, возникла средняя буква "а".

Здесь надо понять главное. Люди того времени именовали что-либо, исходя из самой жизни, то есть буквально, что вижу, то и говорю. Конечно, "аксы" жили дольше, так как еда у них была попроще, а работа менее загружена и трудная, нежели у простых ордынцев. Потому, так тогда и говорили.

Вместе с этим переименовалось и обозначение групп, которые возглавляли аксы.

Они стали именоваться "житками" от слова "жидко", то есть редко или мало. В целом орда насчитывала 75 таких шиток /шипящая в начале слова поменялась из-за шипящих звукопроизношений/, состоящих из сотни, а то и больше могол.

Можно даже сказать, что это были уединенные рода, так как жили они обособленно, лишь изредка обмениваясь людьми. Имеется в виду состав семей. То есть, кто-то отдавал замуж, а кто-то женил сына.

Так люди и переходили из одной шитки в другую. Все они, конечно же, подчинялись хану, у которого к этому времени выросло довольно большое количество помощников.

Там были разные должности, но в большинстве они доставляли хану своеобразную дань от разрозненных групп.

Другие помогали хану составлять какие-то планы на будущее и, конечно же, руководили людьми в этом направлении, третьи – просто ему прислуживали и ограничивались властью при самом хане.

Самой "обидной" должностью была должность подносчика еды. Тот, кто это делал, не имел права даже прикоснуться к ней, даже если хан не доел и оставил что-то, все равно это выбрасывалось либо собакам, в ту пору уже приспособившимся к орде, либо другим животным.

В любом случае, человек-подносчик не имел права что-либо оттуда взять, даже если он был изнеможен и голоден до предела.

Эта должность весьма ценилась из-за своей преданности и честности к исполнению обязанностей. На нее отбирали самых стойких и терпеливых. Своеобразно, то был знак ханского уважения к тому человеку и его семье, если она была. Такие люди почитались всеми и каждый могол, повстречав подносчика, непременно преклонял перед ним голову, а иногда даже снимал тибетейку в знак уважения.

Но, если тот или иной человек был уличен в том, что описали ранее, то мгновенно прощался с жизнью.

Закон орды был суров. Только честность, верность, преданность, бойкость, мужество или смерть. В этом случае провинившемуся отрубали голову и выставляли ее на всеобщий обзор на одном из копий, установленных в центре селения.

Голова висела так долго и превращалась в обыкновенный череп. Только тогда ее снимали и хоронили с останками тела. Это правило строго соблюдалось веками. И никто его не изменял никогда.

Впоследствии, то есть уже по "расформированию" орды в разных группах то было обозначено по-своему.

До наших же времен дошло лишь некоторое понятие насилия того времени, да еще игра, чем-то схожая на срубивание той головы на копье.

А между тем, тот закон не позволял никому воровать и воспитывал среди людей самые настоящие черты человека.

Нельзя сказать, что, так обозначенная, гуманность могла привести к более лучшим результатам. Скорее, наоборот. Это привело бы к разрушению единства и размельчению этих групп до состава единиц, что означало бы просто смерть.

Подобным образом складывались взаимоотношения и в самих группах, то есть шитках. И там были те же структурные единицы власти, соприменимо к ханской.

Таким образом, на тот период на территории междуречья, то есть между Амударьей и Сырдарьей возникло первое могольское государство, обоснованное одной ордой, значительно пополнившей свой родовой состав по численности за всего лишь вековой период своего развития.

Река Амударья была именована так потому, что давала живой прокорм людям рыбой, которая так и называлась "аму".

Что еще можно сказать за, так обозначенных, могол?

Ну, наверное, прежде всего, что они не были так жадны и злы, как то представляется нам сейчас. Это были обычные по тому времени люди, желающие жить спокойно и никому не мешать.

Многое из того, что было описано уже гораздо позже является просто фантазией и желанием разукрасить или сгустить краски над другим народом. Надо отметить, что моголы не имели своей письменности и почитали своего бога "Ястромбжа". Он был единым для них всех, в том числе и для тех, кто не входил в состав Тазымской Орды.

Каких-то особых культов вероисповедания у них также не наблюдалось. Иногда, они просто молились, примерно так, как почитали своего хана или какого другого начальника.

Не было у них и какого-то идола, выражающего божество. Бог почитался в душе, и так оно передавалось из поколения в поколение. Возможно, это послужило каким-то условием недопонимания других народов, и оно же стало мерой заключения исторической деятельности Орды и разрозненных групп в целом.

Есть еще одна немаловажная деталь в жизни тех людей. Они никогда не умывались, а просто протирали лицо руками.

Вода ценилась очень дорого. Потому, тратить ее на умывание не разрешалось. И именно этот факт положил начало возникновению чисто специфического жестокого приложения в исполнении какого-либо ритуала, будь-то еда, поклон или что-то другое.

В общем, как и было уже оговорено, все бралось и складывалось самими условиями жизни и, естественно, так же выражалось, отображалось в дальнейшем.

Потому, нельзя никогда цитировать какие-либо религиозные обряды, как какое-то условное изображение духа неизвестности, то есть божества. Никто специально этому не учил. Люди сами укладывали свои вековые традиции и условности жизни в смысл религиозного вероисповедания. И именно от этого нужно всегда отталкиваться, а не уходить в какой-то фантастический воображаемый смысл и регулировать им сознание настоящих людей.

Но об этом мы еще поговорим в дальнейшем, а пока вернемся в сторону бледной Руси и опишем события, происходящие после смерти князя Святослава. Обратимся также и в сторону иную: к тем, кто ушел несколько южнее и еще раньше; и к тем, кто повернул вспять, как говорят сейчас, к местам, ранее обетованным.

Для того, чтобы раскрыть полностью вековую суть каждого народа, наверное, потребовалось бы очень много времени и бумаги. Но, для того, чтобы понять смысл и общие передвижения уже настоящих народов в исполнении прошлых их величин, будет достаточно несколько глав и не так уж много страниц.

Именно это преследуется в этой книге и именно об этом же хочет сказать господь Бог, ибо сейчас он сам берет свое слово и вносит ясность во все наши окоченелые русско-нерусские умы.

Переходим к следующему разделу и не забываем все предыдущее, ибо из него и слагается дальнейшее, как из одного творится другое.

Итак, в путь дальнейших странствий по обломкам исторических находок и по перевернутому словесно-коренному составу в любом изначально народном исполнении.

Раздел 2. Полынь

Еще в самом начале повествования было сказано, что историю народов русских будет оглашать сам Бог. Потому не удивляйтесь, если что будет не совсем понятно или не до конца ясно.

То есть признак нашего ума и недобросовестного отношения к какому-нибудь труду. Постоянно размышляя о чем-то, Бог непременно мыслит и о нас с вами, ибо он все же Бог-отец, а мы все – его дети.

И, конечно, как всякий отец, он знает, кто и когда, где зародился, как веру какую воспринимал, и кто впервые ее создал и обосновал.

Не ссылаясь на какие-либо даты, ибо то относится к работе умов людских, Бог оглашает так.

Самым первым на Земле воспроизвелось христианство. За ним последовало магометанство и чуть позже буддизм, именуемый самим Богом еще по-другому, как Камерон.

Все эти вероисповедальные течения со временем образовали свои зоны и составили, так обозначенные в самой истории, центры религиозных основ.

Проследившая путь отдельных групп из самого первоначального, создавшегося стихийно, двойственного рода, нельзя не упомянуть о, так называемом, племени иудеев, и об отколовшейся группе тюркского происхождения, чуть позже именуемыми турками.

Их развитие чем-то схоже с развитием тех, кого описали ранее. Но в то же время, есть некоторые расхождения и почти противоречия в плане самобытности и продолжения каких-либо традиций.

Обратимся вначале к группе иудеев. Как уже известно, еще вначале она не захотела оставаться в предгорье и пожелала вернуться обратно.

Но по ходу пути люди встречали другие группы и, естественно, уже занятые кем-либо территории. Радостного в этом было мало. Отовсюду их изгоняли, а порой просто выдворяли силою.

Надо сразу отметить, что все эти процессы были как раз в преддверии пришествия Христа. Иудеи тогда так не обозначались.

Группа, составляющая около 6500 человек именовалась "эвринами". Так они себя называли, представляясь каким другим людям.

Соответственно тому же уже позже – дошло слово евреи, иудеи /исковерканное тюркоязычным населением/.

В общем, пройдя во времени сквозь массу разноязыких народов, эта группа составила целый ряд названий и их видоизменений в пользу какого-либо языка.

Наконец, ей удалось пробиться к той территории, где окромя песка, да редких кустарников ничего не было.

Соответственно, там никто и не проживал. Обреченная на смерть группа разделилась на многие мелкие единицы, численность которых достигала более ста. Все они разошлись в разные стороны и составили какую-то часть населения существующей Римской империи.

Сохраняя свои традиции, эти группы пытались выжить в создавшихся условиях, но из этого мало что получалось. Голод, холод, ветра, болезни, мор – все это гнало их из одного места на другое. Они почти стали кочевниками. Многие повернули обратно, пытаясь пробиться к своим, осевшим в далеких краях. Но закон войны был суров. Их попросту не пропустили.

К тому же, Римская империя возложила на них свою дань и в буквальном смысле заставила трудиться на местах, более-менее подвластных хлеборобству и, вообще, земледелию.

Таким образом, прозванное некоторыми иудейское племя как бы осело среди самых слабоземельных земель и буквально влилось в состав того государства, что существовало после распада Египетского, в ту пору возглавляемое королем.

Практически никакой видоизмененной словесности в этих группах вначале не было. Но жизнь среди других положила начало формированию нового языконаречия, которое двойственно отображало предыдущее изученное и жизнью полученное во время бедствий и в составе государства. В самой истории этот язык обозначился как "эврите".

От чего оно произошло? Это своеобразное русскоязычное слияние, состоящее из корневой связки "рит", обозначающей всякое изменение, движение и т.д. и приставки "эв", в свою очередь, обозначающую принадлежность к своему изначальному роду. Его еще называли языком "эвов".

Первоначально весь словарно сходный запас состоял именно из этих сочетаний. В дальнейшем, язык обретал уверенность в пользу других, как принято говорить, романских и других групп.

На протяжении многих веков он изменялся и пополнял свой состав от других, но первоначальное все же сохранилось. Как таковой, письменности тогда не существовало. Знания, добытые ранее, были утеряны за походы и переходы. Потому, язык в основе всего сохранился только в редких словесных выражениях.

Этому же способствовало и то, что государство не особо желало видеть какую-то другую группу людей со своей культурой развития.

С приходом Христа и возникновением христианского движения, положение эвринов значительно улучшилось. Фактически, только одна группа из всех получила статус вечного изгнанника и, как известно, она именовалась еврейской.

Спустя многие годы, когда вера в Христа начала подниматься выше, группы как бы обрели авторитет и начали возвышаться в глазах других народов. За несколько столетий они пополнили свою численность, а во многих случаях объединились с другими из составов иных родов.

Так получилось, что группа иудеев как бы растворилась среди многих других, и лишь одна из них претерпевала вечное наказание за якобы совершенный грех. Именно она и обозначилась наиболее четко и состоятельно обосновала тот самый язык. Чуть позже эта группа была расчленена и составила собою подгруппы.

Так образовался еще один язык, именуемый "идиш". Естественно, все те, кто слился с другими, образовали другие народности или в целом составили народы.

Те же, что остались в стороне, обосновали свой народ и составили уже во время ближе к настоящему все те традиции, законы и т.д., что существуют сейчас.

Таким образом, получается, что родогенальная связь откровенно чистого порядка прослеживается только между русскими и теми самыми изгнанниками – евреями, которые внешне несколько видоизменились, за свою историю поучаствовав в каких-то родообменах.

На момент гибели Святослава эта группа находилась на территории тюркского населения и занимала места, в настоящее время соответствующие Южно-Палестинскому взгорью и части Сирийского погорья. Численность людей доходила до 22 000 человек.

Теперь, возвратимся вновь назад и узнаем, что произошло с той группой, что отошла от выше означенных могол и составила турецкое государство.

Практически, она подверглась тем же процессам кровосмешения, но в основе своей все же сохранила группу и до сих пор является такой же откровенно чистой с точки зрения родогенальной принадлежности.

Но история ее развития создала великое множество рододревосплетений и порою внешне тяжело отличить, так называемого, турка /тюрка/ от совмещенности с арабской кровью или какой-то другой.

Потому, настоящее родство или родогенальная связь может показать только какой-то конкретный родоучасток, наименее поучаствовавший в кровосмешениях. Но все же, разберем как то все начиналось, как производилось и почему.

Итак, группа осела на берегу Черного моря и частью в долине реки Ефрат. То есть, она также разделилась. Природные условия не были такими суровыми как там, откуда они пришли, и это дало возможность значительно пополнить свой родосостав и закрепиться на указанных территориях.

Спустя сто лет эти две подгруппы соединились и образовали шахство. Через некоторое, довольно незначительное время государство расширило границы и обосновало турецкий шахонат.

Так оно первоначально именовалось. Во главе его стоял шах, именуемый чуть позже, как король.

Спустя еще двадцать шесть лет оно же превратилось в королевство, именуемое турецко-египетским, так как часть Египта входила в состав государства. Естественно, что входили в него же и люди, что населяли в то время территории.

Были там и образованные сводные иудейские группы, были арабские и многие другие, относящиеся к разнородам.

В общем, с самого начала территория, ныне обозначенная в истории, как междуречье / хотя это было совсем не так / подверглась широкому освоению и, конечно же, слиянию многих родоизначальных групп переселенцев-беженцев.

Надо сказать, что в то время палкой загонять народы или группы особо было не нужно. Объединение многим давало право жить, многих спасало от бед и, само собой, повышало какой-то уровень развития.

Все это происходило, как принято говорить, до нашей эры.

Вскоре турецко-египетское государство распалось. Отдельные группы, не пожелав подчинить себя какому-то шаху-королю, ушли вглубь того же Египта, а другие разошлись по сторонам, по дороге где-либо оседая и уже не подчиняясь никому.

Начали образовываться первые признаки тех государств, которые чуть позже будут названы, как основополагающие в истории развития всех народов.

Вначале возникло Иранское шахство, за ним Турецкое султанство от остатков групп людей и первоначально занятых территорий, еще позже королевство Египет, а чуть позже это же царство и Месопотамское государство.

На тот период это были основные единицы деления территорий. Справедливости ради надо отметить, что строить валы и что-либо подобное уже не стали, так как часто менялись границы, да и не позволяли сами условия.

Потому, в большинстве тех государств начали образовываться первые города, обнесенные валом или просто какой-то стеной в зависимости от условий.

Возникновение первого города в обозначенных территориях ложится на Египетское царство. По времени оно относится к первой половине второго столетия нашей эры.

В той же Европе, к примеру, первый город возник гораздо ранее, как следственность скопления людей и меньших территорий, и, конечно же, условия были другими.

На базе территорий тех государств формировались и другие, именованные по-иному; в основе своей, по имени правящего человека.

Все они в процессе исторических смен, перемен, человеческих перемещений из одного конца в другой, меняли свой состав, название и какую-то внутреннюю территориальную принадлежность.

Все зависело от простых человеческих или людских отношений как между людьми, так и между правителями.

Но история никогда не стоит на месте. И вскоре на горизонте появилась звезда, так обозначенной, Римской империи, или Римского государства.

Вначале оно занимало территорию юго-запада современной Турции, а затем, заметно потеснив в жестоких боях своих соседей, продвинулось к югу и даже достигло Египта.

Само слово Рим к уже современному названию города прямого отношения не имеет. Произошло оно от обычного слова Рома, что обозначало имя человека. Искжаясь в разговорной речи и в силу отсутствия всякой письменности в те времена, оно видоизменилось до сходного Рим.

Начало возникновения государства Рим, а позже Римской империи приходится на момент распада Турецко-египетского государства и удалению из ее состава части южных и юго-западных территорий.

За основу государственного строя было принято родовое начало древних египетских фараонов, в свое время покинувших те места и обосновавшихся далее.

В действительности это было своеобразное сочленение воедино верховьев оставшихся родоначальников групп из состава древнего Египта.

Практически, семь отпрысков родовых природных ветвей образовали свое государство, которое вначале и было только всего лишь поселением. А уже позже, когда вокруг начали "облипать" другие из более простых, была сформирована первая конница, и легион пеших воинов по принципу того же Египта. Тогда же и началось покорение всех, кто оказался по воле жизни соседом.

Отчасти, те верховья хотели воссоздать прежнюю структуру государства и овладеть обширностью территорий вместе с их богатствами и, конечно же, вернуть Египет, как основу всяких богатств и своего прошлого торжества.

Обоснование города Рим, как империи, приходится на период первопришествия Христа, то есть появление его на свет, возраст и в дальнейшем гибель. Здесь имеется в виду становление как не очень большого государства и зарождение какого-то христианского начала.

Таким образом, турки, арабы и другие были как бы удалены первоначально от этой зоны божеского внимания и их мало коснулось то, что обозначено христианством.

Но чуть позже, когда звезда зарвавшейся империи начала угасать от результатов походов и зверств, и когда народы, как говорят, восстали, пути веры новой и старой переплелись.

Римская империя разрушилась. Турция вновь присоединила Египет и даже часть Месопотамского нагорья, или предгорья.

Давно разошедшиеся группы людей вновь объединялись и в образе своем начали создавать веру иного происхождения, то есть по-своему в соответствии с традициями, условиями жизни и составом самих групп.

Богу ничего не оставалось делать, как несколько помочь в этом процессе и закрепить новое вероисповедание.

На базе турецко-египетского государства вскоре начало возникать, так обозначенное, султанское царство, включающее в себя все те же территории и тех же людей.

В дальнейшем, оно переименовалось в Османское царство, а еще позже в Османскую империю, составленную из многочисленных родогрупп с различными кровосмешениями.

Город Рим именовался по-новому и обозначился как Византия от соответствующего имени человека.

Основатели Рима попросту бежали, удалившись за рубеж, где обосновали новый город с тем же названием и начали создавать свое государство, обоснованное на сицилийских холмах, от которых теперь уже мало что осталось.

Сам старый город оказался как бы рубежом между вновь возникшими религиозными течениями.

С одной стороны – он принадлежал, как говорят, самому себе, а с другой – его подпирало другое государство с верой несколько нетрадиционной для христиан.

Первоначально они уживались, и никому не было дела до того, кто и как веру ту исповедует.

Но с развитием европейских религиозных начал и посредством того же Рима, а чуть позже Ватикана, эти отношения были усложнены, и вскоре город Византия пал и преобразовался в Стамбул, став столицей Османской империи.

В общем, с возникновением крестовых походов за якобы гробом господним и т.д., т.п. все то и произошло. Никому не хотелось отдавать часть своей земли и, конечно же, то, чего хотели христиане.

Так получилось, что одна, первоначально взошедшая вера в чудо Христа стала прообразом второй, а чуть позже и третьей, создав тот самый буддизм.

На почве тех же территориальных разногласий и разгорелся спор, как о самом имени божьем, так и вообще о традициях вероисповедания.

И, конечно же, основой всему было желание присоединить земли и овладеть какими-то богатствами, не говоря уже о переподчинении самих народов.

Вот, собственно, кратко и все о той группе тюркского происхождения, что не так уж и далеко удалилась, но в силу разногласий обрела иную веру и составила иной народ в совокупности или без с другими группами.

Теперь, можно продолжать историю развития самой Руси, находящейся в составе открыто чистых трех групп, а также о тех, кто определился как могол и составил в последующем многие другие группы разных уже теперь народностей.

Итак, после гибели Святослава и далее кончины княгини Ольги киевский посад еще долго пустовал. Никто не решался занять то великое место, а сыновья Святитича были еще малы.

В конце концов, на сходе тех, кто окружал саму княгиню и занимал соответствующие посты в том государстве, было принято решение посадить воеводу, как главного по тому времени посадского исполнителя.

Но кого? Сразу возник такой вопрос. Добрыня был молод, и княгиня, хоть и обещала ему это, все же не успела то сотворить. И тогда, те же люди решили пригласить из другого княжеского посада воеводу Ратича.

Он был опытен во многих делах и занимал в землях Полянских княжеский посад, так как князей самих там не было.

Слеп на один глаз был воевода тот, ибо в битве печенег-половец мечом по лицу прошелся. Носил перевязь он и скрывал лицо частью свое от людского ока.

Но люди знали все то и воеводу все же любили и уважали. Не давал никого в обиду он, и думали они, что и дальше так будет.

Согласился Ратич на власть киевскую и занял посад княжеский. Но горянские, то есть сами киевские возмутились тому и спровадили его ниже в дом посадский. Особо не огорчился воевода по тому, но часть злобы на людей тех затаил. И всегда думал, как бы больнее уколоть их при случае.

Надумал однажды Ратич в поход идти и задумал Малушу – мать княжескую Владимира повидать, чтоб узнать кое о чем для себя.

Прознал про то по-своему Добрыня, брат ее, от друзей гридней своих прежних и, опередив Ратича, увез Малушу из тех мест, спрятав на время в доме другом.

Приехав к дому Малуши, воевода повстречал отца ее и упросил обо всем.

Нету-ти Малуши моей, – отвечал отец тот Микула – воин бывший, в гриднях когда-то состоящий, так же, как и его сын, – ушла она вдаль, – и человек показал рукою на пыльную, пробитую копытами лошадей землю.

Ах, ушла Малуша, – разозлился воевода, поняв, что Добрыня опередил его, да так и рубанул мечом по руке той, отчего упала на землю она, да так и лежать осталась.

Кровь хлынула из обрубка руки Микулы, а он так и застыл в недоумении.

– Будешь знать, как рукой показывать, – зло выкрикнул Ратич и, пришпорив было коня, рванулся вдаль по дороге, но не тут то было.

Не понравилось то гридню одному, из друзей Добрыни бывших.

А, ну, стой, – сказал он воеводе и рванул за узду так, что лошадь аж на дыбы стала.

Чего ты? – испугался Ратич и пугливо осмотрелся по сторонам, видя как гридни со всех сторон к нему подъезжают, – что это вы задумали тут? – залепетал он в испуге вовсе.

А вот что, – сказал гридень, Мартыном которого звали и рубанул своим мечом так, что и рассек воеводу того от головы до седла.

Ой, что ж ты наделал, сынку? – залепетал в испуге Микула, сжимая свою окровавленную культю другой целой рукою, – я ж стерпел то и ничего не сказал. Зачем ты погубил его? Теперь и тебя казнят другие, – и Микула тот горько заплакал.

Не казнят, – успокоил Мартын и к гридням повернулся, – расскажем все, как было. Не имел прав он так поступать. Тело же его в реку бросим, как татя какого и злодея общего, раз на людей своих руку поднял.

На том и порешили, и поспех домой удалились.

Ничего не сказали гридням люди посадские по поводу тому и с миром, как говорят, отпустили, пустив слух в земли Полянские, что воевода погиб в бою. Но все ж на совет собрались и меж собою посетовали.

– Надобно тем гридням хвост поджать. Так, гляди, они и до нас доберутся. С воеводой, всеми избранным, не посчитались, а с нами тем более. Гляди, так до князей доберутся.

На том порешили и начали мзду всякую создавать вокруг гридней. То кур у кого ущипнут, украдут значит, то петуха красного пустят в закрома какие, пожар значит учинят, то девиц каких молодых, под венец идущих, распотрошат и в реку для отмыва кинут.

Вскоре люд киевский да и прибрежный, подольский значит, начал супротив гридней восставать и мзду уже свою пускать.

Завидят кого одного где-то, то так и придушат, а то попросту пьяного в реку кинут. Отраву начали лошадям да и им давать, отчего болеть те стали, и чрез время уже сами на совет собрались. Речи повел тот самый Мартын.

– Чую, братья, я, что рукою люду простого кто-то другой ведает и головы наши подставляет. Надобно исчислить, кто так поступает и разобраться во всем.

Затем другой гридень речь повел.

– А я думаю, надо Добрыне обо всем рассказать. Может, он нам что и посоветует или делом приложит.

Подумали гридни и решили так, как второй сказал поступить и сделали то в дальнейшем. Долго думал Добрыня над всем тем и долго не решался, как ему поступить. Но тут случай подвернулся, и все само собой разрешилось.

Напился гридень однажды какой-то и к деве повадился, да там его и отлупили мужики собравшиеся. Отпор значит дали. А до того пили все вместе. Клич прошел по месту жилья ихнего, и всяк гридень сбунтовался.

– Что это такое? Будет народ нами повелевать. А ну, возьмемся за мечи, да проучим всех, чтоб больше никто носа не высовывал.

Кровь взыграла и мзду воссоздала большую. Много крови безвинно пролилось. Пострадали и посадские люди. И им от гридней досталось. Многих они побивали, так как знали, что за чем состоит.

Тогда, испугался народ весь такого, до времени схода объявленного носа не высовывал со двора. Гридни же наслаждались победою и всяк упивался ею, досажая кому-либо из близлежащих.

Вот тогда настоящая баталия и развернулась. Посад гридней ниже стоял, чем княжеский, людей посадских, дворовых и даже безземельных, ремесленников значит.

Тем то и воспользовались люди и за свою боль воздавая, начали на посад гридней бочки катить и все прочее бросать, а опосля в бой кинулись, кто с чем.

Битва жаркая была. Много с обеих сторон погибло и в конец дня, а с утра то все началось, общий пожар по городу пошел.

Кто-то додумался гридням посад поджечь, а огонь к другому перекинулся. Вскоре запылал весь город Киев.

Люд бросался кто куда, спасаясь от пожара. Не до битвы и мзды стало. Начали все тушить совместно и только к дню следующему к вечеру, мало-помалу все стихло.

На том битва завершилась, и всякий своего оплакивать начал. Помирились тогда все и за дело восстановления принялись.

Вот с тех пор оно и пошло. Вначале мзду свою единоличную кто воздает, другой подержит, дальше больше, бочки катить начнут, пожар пускать, рушить все и так далее. А затем плакать совместно, опосля мириться и все вновь восстанавливать.

Оттуда же и поговорка пошла древнерусская: « мол, что ты на меня или кого бочку катишь ».

Вот так-то, люди добрые, русичи. Все то из жизни берется и ею подтверждается.

Перемирие было то недолго. Вновь те посадские на свой сход собрались. Больно им стало, что их чин пострадал в борьбе этой.

Надобно тех гридней вовсе изничтожить, сказал один из них, – только вот не знаю, что придумать к этому.

Кто ж охранять нас тогда будет? – задал вопрос кто-то другой.

А зачем нам это, – ответил тот же, – мы и так неплохо проживем, а коли надо, то и сами постоять можем.

Молчание наступило тогда, но спустя время все ж поддержали человека того и порешили совместно мзду ту пустить.

Однажды к гридням вновь деву подбросили, на чердак ее положив и заставив там орать, как резанную.

Надо сказать, что деве той лет мало было, и так же Малушей она прозывалась, ибо мала была, а также отмечу, что подкуп отца ее в этот раз впервые свершился вообще на Руси. До того, откровенной дачи злата или чего-то другого не было.

Так вот. Дева та кричит наверху, людей созывая, гридни не поймут ничего и головами во все стороны крутят. Люд собираться начал, снова злобу вверх воздавая из-за стен небольших посада того.

Вскоре людей собралось множество и силой своею, толпою значит, стену ту порушили и в двор ввалились. Гридни к дому самому отступили, на всяк случай приготовив свои мечи.

Кто-то на чердак полез и деву ту достал, за волосы волоча. Кровь по ее ногам стекала струйками и вся раздета догола она была. Обучил ее отец этому и заставил проткнуть себе веткою место оное, что как дань чистоты сохранялось.

Взбеленились люди, проклятья на головы гридней посыпались, и вот-вот должна была битва разразиться.

А народу собралось тьма тьмущая со всего Киева. Так бы за один раз они тех гридней и побили. Посадские те в стороне стояли и один из них руку о другую потирал...

Заметил то Мартын, сотник гридней, и, выйдя наперед, вдруг руку вперед протянул, пальцем указывая на человека того.

– Вот, кто мзду нам воздает. Желает вашими руками нас погубить. Не делали мы всего того, в чем нас обвиняют. Желают посадские, чтоб мы под их властью ходили и всяку гнусь ихнюю исполняли. Не за воеводу Ратича мстят, а за себя боятся, чтоб мы им руки не поотрубали за дела их каверзные.

Человек тот руки потирать перестал и назад тиснуться начал, сквозь своих пробираясь.

– Видите, боится он, что правда в глаза ему кольнет. Оттого и прячется за спины своих. Что вы, люди, на нас бочку вновь катить стали. Вон, кто виноват. Их рук дело. Где отец, мать девы той. Что их крику не слышно?

И точно, люди обернулись, а их не нашли. И к деве той с распросами обратились. Тут она во всем и призналась и вновь разрыдалась, чтоб простили ее гридни и люди за то, что родители ее на подкуп польстились.

Через время на двор тот привели родителей девы той и вновь допросили. Они также сознались и рукой указали на человека того. Люди вытащили его из группы таких же и поставили перед своим лицом.

– А, ну, признавайся, делал то или нет?

Ну, кто ж в своей вине признается. Знал ведь чин посадский тот, что смертью это карается, потому и молчал.

Долго спрашивали его, но тот все упирался. Тогда и порешили так:

– Нечего тут разбираться. И так ясно, что виновны все. Хотели всех нас стравить, яко псов каких, а самим в добре проживать. Казним всех без разбору. Раз вместе они держатся, то значит, и беду одну создают.

Так и поступили.

Вначале казнили прямо здесь виновных, а затем по домам их подались, руша их, добро выгребая и бросая его кому попадет.

Так вот с той поры и повелось. Как кто рукою укажет на кого-то, то так люди и казнят. Думают, что оно так и есть. Так же погромы творят и целыми семьями уничтожают чтоб, как говорят, повадку не было.

Так же добро делят или в злобе большой рушат, сжигают. А того и не ведают, что ошибку раньше сами допустили и дали себе лапшу на уши повесить кому-то.

Долго буйство то шло, но, наконец, завершилось. Хотели и княжичей было прибрать, но Добрыня их защитил, да и гридни вступились.

– Нельзя княжичей по ветру пускать. Не поймут того другие люди. Обвинят нас в вине пред богом Перуном. Он за них стоит, и он велит им управлять нами. Пусть, подрастают и ценят нашу доброту, а также веру нашу в бога Перуна и Сварога.

Здесь надо отметить, что после смерти Ольги и по происшествию почти восьми лет, гонения на, так называемых, волхвов прекратились, и они снова обрели покой.

Оттого и повелось, что Перун – то бог общий, а Сварог – бог небесный. Люди то все придумали и то все в слух какой пускали.

Так вот закончилась первая распря между знатью и простыми людьми, и так оно с тех пор повелось и ведется до этого времени.

Вскоре народ киевский на общий сход собрался, как то и водилось со времен былых. Решили на трон, посад киевский князя Ярополка посадить, хоть и отроду он был еще мал.

Всего то двенадцать годов ему и было. Хоть и имя князю дали сильное "ярый", яровой, от земли значит, пошел, но здоровьем и телом слаб он был, и в седле с малу плохо держался.

Плохо стрелу пускал, плохо меч держал, под руку его сделанный.

Но все же князь – он и есть князь. Так и посадили его на трон киевский. Весть о том разнослась по всей округе и дошла до самых окраин русских, варягов и других, в роду одном состоящих.

Добрыня вскоре воеводой стал, да так и остался им до конца дней своих.

Но недолго Ярополк правил. Болезнь вскоре пошестью по Киеву поползла и его сгубила.
Лет в пятнадцать смерть и постигла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.